

Н О R R O R

The book cover features a central, glowing green skull with a single, prominent red eye. The skull is set against a dark, textured background that appears to be a hooded figure, possibly a vampire or a zombie, with a red hood. The entire scene is framed by a shattered glass effect, with sharp, jagged fragments of glass surrounding the central image. The overall color palette is dark, with green, red, and black being the primary colors.

КНИГА, ЛЕДЕНЯЩАЯ КРОВЬ

ОЖИВШИЕ

Александр Варго

Александр Варго
Ожившие
Серия «Horror. Книга,
леденящая кровь»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900247
Александр Варго. Ожившие: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72103-0*

Аннотация

Мертвые не уходят от нас навсегда – их можно оживить. Правда, надо знать как, а это сокровенное знание сокрыто за множеством печатей. Но находятся люди, всеми правдами и неправдами добывающие сведения о давно забытых ритуалах. А если магия связана с человеческими жертвами, они без колебаний приносят кровавую дань на алтарь древнего колдовства...

Группа молодых русских туристов едет на архипелаг неподалеку от Тасмании – весело провести отпуск. Но у одного из туристов особые планы на эту поездку. И эти планы идут вразрез с намерением группы как следует «оттянуться». Эти планы идут вразрез с естественной и безусловной уверенностью группы, что все вернутся домой невредимыми. Эти планы вообще не дают туристам каких-либо шансов остаться живыми...

Ранее книга выходила под названием «Полночь».

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

108

Александр Варго

Ожившие

*Все происходящие события являются вымыслом автора.
Любые совпадения с именами и географическими названиями
случайны.*

Часть 1

*Когда своей рукой берешься за крыло бумеранга
– за другое крыло берется Небо.*

Австралийская поговорка

Акула нам такой же враг, как канализационная труба – водопроводчику. Стараясь прочистить трубу, он, возможно, и проклинает ее, и колотит по ней гаечным ключом. Однако водопроводчик знает, что труба ему не враг...

Питер Бенчли «Челюсти»

«Ты любишь?»

Голос был глухим и не выражал никаких эмоций, механический, пресный голос, словно записанный на автоответчик. И звучал он не с какого-то определенного места, он плывал вокруг, как ядовитый туман, выжигая ушные раковины.

– Где я? – прошептал мужчина, когда сознание с неохотой вернулось к нему. С превеликим трудом он поднял голову, понимая, что еще чуть-чуть – и его стошнит. Череп трещал по швам от ноющей боли, ему казалось, что его мозги уже просачиваются сквозь щели от чудовищного давления. Он поморгал глазами, пытаясь осмотреться. Темнота. Сплошная темнота вокруг. Господи, где он? И как тут очутился?

Мужчина предпринял попытку сесть, но его ждал непри-

ятный сюрприз – все его конечности были туго связаны. Странно, что он не заметил этого сразу. Заскрипев зубами от бессилия, он перекатился на бок, больно ударившись обо что-то плечом. Облизал пересохшие губы. Хотелось пить.

Откуда-то неподалеку послышался тихий стон, и он вздрогнул. Что-то знакомое показалось ему в этом голосе.

– Ю... Юля! – хрипло позвал он.

Темнота всхлипнула, но ответа не последовало.

Мужчина яростно задергал руками в надежде высвободиться, но узлы были завязаны на совесть. Неожиданно пол под ним чуть накренился, и он услышал негромкий всплеск. Словно... волна ударила о борт. Он что, на корабле?!

– Юля! – позвал мужчина громче.

– Игорь, помоги, – раздался жалобный голос. Девушка заплакала.

– Я связан, – отозвался Игорь. Он пошевелил немеющими руками. Пошевелил только для того, чтобы окончательно убедиться, что самостоятельно развязаться он не сумеет.

– Где мы? – прошептала Юля.

– По-моему, в море, – так же тихо ответил Игорь. – Точнее, в океане, – поправился он.

– Как... как в океане? – опешила девушка и снова захныкала.

– Замолчи! – неожиданно резко прикрикнул он на нее, и Юля моментально затихла, шокированная больше не тоном ее недавнего знакомого, который еще несколько часов назад

галантно ухаживал за ней, предлагая звезды с неба, а известием о том, что они находятся где-то посреди океана.

(Ты любишь?!)

Игорь снова вспомнил этот скучный, невыразительный голос. Что это, сон? Или кто-то действительно спрашивал его об этом?

Он отчаянно напрягал память, но все, что ему удалось наскрести из шкафчиков, которые в его черепной коробке являлись ответственными за хранение информации, было лишь какими-то жалкими обрывками, как истлевшие листья. Кажется, они поехали на какую-то экскурсию, к местным аборигенам, и он вовсю приударял за этой Юлей, которую подцепил пару дней назад на пляже. Его обезоруживающая улыбка, оригинальное чувство юмора и изысканные комплименты быстро сделали свое дело, и девушка уже была покорена. Оставалось дело за малым – найти укромное место и...

После этого трухлявые листья окончательно рассыпались, и голову снова заполнял едкий туман. Что было дальше?

– Ты тоже связана? – спросил Игорь, догадываясь, что ответ, скорее всего, будет положительным.

Так оно и вышло.

– Мы должны попробовать развязать веревку зубами, – сказал Игорь.

Он перевернулся на живот и, извиваясь, как червяк, уже хотел ползти к ней, как вдруг почувствовал, что его что-то держит. Черт подери, оказывается, его ноги были привязаны

к какой-то балке, и он не мог сдвинуться с места.

– Мне страшно, – глотая слезы, проговорила Юля.

– Все будет хорошо, – попытался успокоить ее Игорь, прекрасно осознавая, что говорит неубедительно. Пол под ними снова качнулся, и Юля вскрикнула от страха.

«Да замолчишь ты или нет?» – с досадой подумал Игорь, не зная, как успокоить свою случайную знакомую.

– Если бы тем, кто нас сюда засунул, были бы нужны деньги, об этом было бы уже известно, – пробормотал он вслух. – Нам остается только ждать.

– Игорь, – позвала она, и мужчина не мог не заметить, как задрожал ее голос. – Игорь, где мой ингалятор?

– Ингалятор? – переспросил он, тщетно напрягая мозг. Черт, в самом деле, Юля еще при встрече призналась ему, что страдает астмой.

– Боюсь, что здесь его точно нет, – мрачно сказал он.

– Но... у меня может начаться приступ, – тщательно выговаривая каждое слово, произнесла Юля, и Игорю даже в темноте показалось, как у нее перекошилось от страха лицо. – Что мне тогда делать?

Пол медленно покачивался, а снаружи мерно плескались волны, такие невинные и беззаботные.

Они потеряли счет времени. Руки затекли, как, собственно, и все остальное, кожу нещадно пронзали миллионы невидимых иголок, но освободиться от узлов не получалось.

Юля безостановочно плакала, но ему надоело ее успокаивать, так как нервы были на пределе. Последний час ему неудержимо хотелось облегчиться, и, видя, что иного выхода нет, Игорь выпустил содержимое мочевого пузыря прямо в джинсы, отчего к затхлому воздуху в трюме добавился запах мочи.

– Господи, а ведь Нелька нас отговаривала ехать, – рыдала Юля.

– Нелька? – спросил без какого-либо интереса Игорь только для того, чтобы хоть что-нибудь спросить.

– Мы сюда с подругой приехали... По корпоративной путевке с фирмы, – глотая слезы, сказала девушка. – Нелька себя неважно чувствовала, а я... я...

Внезапно она замолчала, дыхание ее стало затрудненным.

– Юля? – взволнованно крикнул Игорь, вспомнив, что она говорила об астме. – Юля, что с тобой?!

– Грудь... давит на грудь, – с присвистом проговорила Юля.

– У тебя приступ?

Девушка закашлялась.

– Мне... нужно сесть... лежать... не могу, дышать... тяжело, – хрипло произнесла она.

– Эй, вы там!! – заорал Игорь и забарабанил каблуками туфель по днищу судна. Удары были глухие, которые он из-за плача Юли сам едва слышал. – Выпустите нас, вашу мать! ЭЙ, ЕСТЬ ТАМ КТО-НИБУДЬ?!!

Юля то замолкала, что одновременно и обнадеживало, и пугало Игоря, то вновь заходила в сухом кашле, и ему становилось страшно. А что, если она сейчас умрет, вот прямо здесь, в этой крошечной темноте?

В этот момент наверху что-то закрипело, и он зажмурился – кто-то открыл трюм, и упавший ему на глаза солнечный луч чуть не ослепил его. Вздыхая, вниз начал кто-то спускаться, и на стене заплясал желтый кружок от включенного фонаря. Луч остановился на девушке, на ее преисполненных ужасом глазах.

– Помогите! – взмолилась она сквозь кашель.

Луч медленно сполз с бледного лица Юли и ленивой змеей стал подбираться к Игорю.

– Кто вы? – решительно спросил он, хотя все его внутренности скрутились в узел от страха.

Ему ничего не ответили, но шумное дыхание стало ближе. Наконец луч остановился на его лице, и Игорь, зажмурившись, невольно сравнил себя с допрашиваемым в фильмах про КГБ.

– Мы российские граждане, нас уже начали искать, – продолжал он. – Немедленно освободите нас...

Вдруг фонарь погас, и Игорь замолчал. С появлением в трюме этого человека окружавшая их темнота стала пропитываться чем-то зловещим.

– Русский? – прошептал кто-то, и Игорь кивнул, от страха забыв, что находится в абсолютной темноте и его жест вряд

ли был замечен. Однако это не смутило незнакомца. – Что с ней? – спросил он деловито.

– Астма. Ей... Она может задохнуться, ей нужен ингалятор, – сбивчиво заговорил Игорь, радуясь, что хотя бы слышит родную речь.

Ему показалось, как человек в темноте удовлетворенно вздохнул, затем снова закричали ступеньки.

– Юля! – позвал Игорь, но девушка не отвечала. Она дышала натужно, хрипя и клокая, как раскаленный котел, готовый вот-вот взорваться из-за перегрева.

– Потерпи, слышишь?! – крикнул Игорь, злясь на себя за собственное бессилие. Черт, а может, он действительно ушел за ингалятором?!

Не успел он ответить на собственный вопрос, как незнакомец вернулся. Он бесшумно скользнул вниз, как змея.

– Она дорога тебе? – услышал он вкрадчивый шепот.

– Я... – растерялся Игорь, – я не знаю.

– Как не знаешь? – удивились в темноте. – Я видел, как ты лапал ее сиськи и пытался залезть в трусы.

Игорь был ошарашен. Кто это?! И когда он успел подсмотреть за ними?!

– На твоем пальце кольцо, – продолжал тем временем шептать незнакомец прямо в ухо связанному мужчине.

– У меня семья, – разбито произнес Игорь, не понимая, куда клонит его странный собеседник.

– Не имеет значения, – сказал терпеливо человек. – Мно-

гие живут годами с нелюбимыми людьми... Мне нужен ответ на один вопрос, человек. Твоя и ее жизнь, что ты выберешь? Если кто-то из вас должен покинуть этот мир?

Игорю показалось, что пол уходит из-под него. Это что, какая-то извращенная версия шоу «Последний герой»?

– Можешь говорить, она тебя не услышит, – сказали из темноты. – У нее сейчас другие заботы, человек. Так что? Ты или она?

Игорь откашлялся. Ничего себе предложение!

– Послушайте, я не совсем понимаю...

Он не успел закончить фразу, так как получил хлесткую пощечину.

– Вы... ты, – закипая от ярости, начал он, но шепот прервал его, он был жутким, нечеловеческим, и слова, как капсулы с кислотой, впихивались в его уши, взрывались внутри и плавили барабанные перепонки:

– Ты меня слышал. Не отнимай у меня время.

– Она мне никто! – сорвался Игорь. – Я ее и знать не знаю, вчера познакомились, ясно?

Темнота молчала.

– У меня семья, – шмыгая носом, промямлил Игорь. – Послушай, тебе нужны деньги? Как тебя зовут? Развяжи меня, мы пого...

– Я принимаю твой выбор.

Сквозь нескончаемые хрипы Юли явственно проскользнул звук какого-то предмета, упавшего вниз. Потом что-то

хрустнуло.

«Раздавил ингалятор, ублюдок», – подумал с ненавистью Игорь. Что ж, наверняка теперь Юля умрет, а, следуя логике этого психа, его должны выпустить, ведь он говорил о выборе... А может, ему следовало сказать, что он без ума от Юли?!

Очевидно, незнакомец приблизился к Юле, так как она снова принялась кричать и звать на помощь. Неожиданно крики резко оборвались, и девушка, всхлипнув, затихла.

– Что ты с ней сделал?! – закричал Игорь, холодея. Перед глазами проносились образы мучительной смерти, один другого ужаснее, и он почувствовал, как мочевой пузырь снова готов выпустить свое содержимое наружу.

– Мне жаль, – услышал он шепот где-то за своей головой, и в следующий момент его шея была разрезана от уха до уха.

* * *

Татьяна бесцельно бродила между бесконечных торговых рядов. Она рассеянно смотрела по сторонам, стараясь не обращать внимания на две фигуры, маячившие неподалеку от нее. Женщина фыркнула. И зачем только Славе понадобилось приставлять к ней телохранителей? В России это было хоть как-то оправданно – ее муж вел довольно прибыльный бизнес, и недоброжелателей у него хватало, но здесь, в Тасмании! В райском австралийском уголке, затерявшемся

среди океана!

Поначалу это обстоятельство забавляло ее, потом стало раздражать, к тому же она не очень-то верила, что в случае чего эти двое одуревших от жары смогут сделать что-то полезное. Однако на все увещевания отпустить этих парней во-свояси Слава отвечал твердым отказом.

Она до сих пор не могла понять причину их столь вне-запного отъезда. Возможно, все дело в фотографии, которую вместе с почтой кто-то подбросил ее мужу? В тот день она как раз находилась у него в офисе. Слава разбирал докумен-ты, которые занесла ему секретарь, как вдруг лицо его изме-нилось, а глаза расширились, словно среди бумаг он случай-но наткнулся на собственный некролог. Татьяна лишь успела заметить, что это была какая-то фотография.

Он попросил Татьяну подождать его на ресепшене, а сам позвал секретаря, крашеную блондинку с таким вырезом на груди, что, собственно, и скрывать-то было уже нечего, и так все на виду, и потребовал объяснений. Та что-то испуган-но залепетала о том, что понятия не имеет об этой фотогра-фии, и разбор полетов окончился ничем. Татьяне он ничего не сказал, и ее это задело. Это был первый случай за восемь лет, когда между ними появились недомолвки. Вместе с тем она даже не показала виду, что ее удивило поведение супру-га.

Через несколько дней Слава объявил, что они уезжают в Австралию. Он старался казаться веселым и непринужден-

ным, но она слишком хорошо знала своего супруга, чтобы понять, что он напуган. **ОЧЕНЬ** напуган.

«Нам пора отдохнуть, а на этом континенте я никогда не был», – с вдохновением разглагольствовал он.

И вот они здесь. Уже второй месяц. Нет, все было замечательно, она была поражена великолепием местной природы, да и Слава был очень внимательным к ней, он выполнял все ее капризы, но ее тревожила неопределенность. Будто ее муж чего-то выжидал.

Ей приглянулись бусы из крошечных розовых ракушек, и она купила их, предварительно поторговавшись, правда, чисто из спортивного интереса. Внимание женщины привлек красочно оформленный стенд, у которого скучала худощавая женщина в широкой панаме. Стенд изобиловал фотографиями акул. Большие и маленькие, с хищно рассекающими водную гладь треугольными плавниками, оскаленными челюстями, они, казалось, были готовы наброситься на нее прямо с картинок.

– Рашен? Русский? – встрепенулась женщина в панаме, и Татьяна кивнула. Она уже привыкла не удивляться тому, что местные сразу распознавали в ней россиянку.

– Экскурсия. Орел океан, открытый, – коверкая слова, произнесла Панама, встав с плетеного стула. – Акулы, – уважительно добавила она, словно Татьяна была слепой и не видела стенда.

– И что, все это я увижу на вашей экскурсии? – недоверчи-

во поинтересовалась она, вспомнив, как Слава однажды признался ей, что всегда мечтал взглянуть на настоящих акул.

Краем глаза она заметила, что рядом бесшумно возник какой-то мужчина средних лет. Он был в потрепанных джинсовых шортах и рубашке крикливой раскраски, на голове бейсбольная кепка, глаза скрыты под темными стеклами солнцезащитных очков.

– О да, – широко улыбнулась Панама, и Татьяна отметила, что ей не мешало бы показаться стоматологу. – You look¹, видеть. Погода хорошая – обязательно. Вниз, прямо под вода, клетка, акулы хорошо видеть.

От Татьяны не ускользнуло, что мужчина в темных очках, рассматривающий фото, с интересом прислушивался к их диалогу.

– Когда состоится поездка? – задала она вопрос.

– Завтра утро, – с готовностью ответила Панама.

Пока Татьяна думала, не позвонить ли Славе, этот странный тип в очках придвинулся ближе, и она, заметив это, вызывающе посмотрела в сторону своих секьюрити. Те сидели на корточках, словно куры на жердочках, и что-то лениво обсуждали. Казалось, они напрочь забыли о своей работе.

– Можно видеть много. Белая shark, акула, – продолжала завлекать ее Панама. – Рифовая, тигровая... Мако, – бубнила она, словно пыталась на одном дыхании перечислить всех акул, каких только знала.

¹ Вы увидите (англ.).

– Мако вы сейчас вряд ли встретите, – неожиданно на чисто русском языке произнес незнакомец в очках. Он даже не посмотрел в сторону Панама, продолжая с какой-то веселой небрежностью изучать стенд. – Их можно увидеть на северо-восточном побережье, у Великого Барьерного рифа, да и то сейчас для них не сезон.

Татьяна сделала вид, что не обратила на его слова внимания, хотя... странное дело, что-то в его голосе показалось ей знакомым.

Панама открыла рот, очевидно, чтобы возразить мужчине, но так ничего и не сказала.

– Я возьму два билета, – сказала Татьяна. Она решила не сообщать о своей идее Славе, пусть это будет сюрпризом. Нечего ему киснуть в отеле. Она открыла сумочку и, доставая деньги, думала, где она могла слышать этот голос.

– О'кей, – засияла Панама и, достав замусоленный карандаш, стала что-то царапать на билетах.

– Я бы не советовал вам пользоваться услугами этой фирмы, – обратился незнакомец к Татьяне.

– Почему? – сухо поинтересовалась она, расплачиваясь.

– Вряд ли что-нибудь увидите. Так, пару килек или полудохлую медузу. Яхты этих компаний обычно не выходят далеко в океан, а в прибрежной полосе смотреть нечего, – пояснил он, слегка улыбнувшись.

Татьяна снова вздрогнула. Эта улыбка... Она определенно где-то встречала этого человека.

– Почитайте внимательно билет, – продолжал он. – Видите, маленькие букочки в самом низу, примечание? Появление акул никто не гарантирует. А носиться с вами по всему океану, чтобы вы сфотографировали плавник акулы, никто не будет. И денежки вам не вернут. Кстати, ряд фотографий на стенде – явный фотошоп.

Панама с нескрываемой злобой уставилась на мужчину. Татьяна заметила это и рассмеялась:

– Не бойтесь, этот господин не отобьет у вас клиента. Я все равно уже купила эти билеты.

– Похоже, вы редко меняете свои решения, да? – вежливо осведомился мужчина.

– Вас это так сильно беспокоит? – в упор посмотрела на него Татьяна.

Охранники наконец-то обратили внимание, что объект их защиты уже несколько минут беседует с каким-то странным типом, и с явной неохотой приблизились к стенду.

– Мне просто жаль ваших потраченных денег. Считайте, что их уже... В общем, фути-фути, как говорила одна моя знакомая, – зевнул мужчина.

Татьяна чуть не выронила сумку.

– Снимите очки, – слегка охрипшим голосом проговорила она, и странный незнакомец послушно выполнил ее просьбу. – Боже! – прошептала Татьяна.

Один из охранников услужливо поднял с земли сумочку и отряхнул ее от пыли. Второй нахмурил брови и попытался

закрыть собою Татьяну, но та отпихнула его, ошарашенно глядя на мужчину в кепке.

– Разве я так сильно изменился, Таня? – негромко спросил он.

– Эдуард... – выдохнула она, чувствуя, как кровь прилила к щекам. – Ты... – она чувствовала, что выглядит беспомощно, как ребенок, – ты что здесь делаешь?

– Отдыхаю, – с некоторым недоумением отозвался мужчина, как будто по его внешнему виду это было незаметно. – Хотя можно сказать, что и работаю.

Он немного замаялся, и Татьяна, мгновенно сориентировавшись, приказала секьюрити отойти в сторону. Те, посчитав, что Эдуард не представляет опасности для женщины, вразвалочку вернулись в тень и снова уселись на корточки.

– Не ожидала меня больше встретить? – спросил Эдуард. В голосе его проскальзывала грусть.

– Гм... я думала, мы больше никогда не увидимся, – растерянно сказала Татьяна. – С ума сойти. Встретиться через столько лет, и где? На острове в Австралии?!

– Согласен. Полный пипец, – согласно кивнул Эдуард. – Вроде так ты выражала свои эмоции, когда нужно было найти эквивалент крепкому словцу?

Таня покраснела.

– Ты без очков, – заметил Эдуард. – Сделала операцию на глаза?

– Нет, у меня линзы, – машинально ответила она.

После этого возникла неловкая пауза. Эдуард молча смотрел на нее, очки оставались в его руке, и Татьяна всей душой молила, чтобы он снова надел их, так как не знала, куда деться от этих пронзительных темно-зеленых глаз.

– Как твоя семья? – неловко спросила она. – У тебя ведь был сын?

Снова кивок.

– Потом еще один родился, – сказал он.

Татьяна почувствовала, как в глазах защипало, она с ужасом подумала, что из глаз вот-вот брызнут предательские слезы. Господи, да что с ней?! Они не виделись почти девять лет, она давно похоронила в памяти все, что было связано с этим человеком, а ключик, который запирает замок от двери, за которой покоились останки воспоминаний, выбросила в самый глубокий колодец.

– А ты почти не изменилась, – снова улыбнулся Эдуард. – Только прическу сменила и волосы покрасила. Только зачем? У тебя ведь были прекрасные рыжие волосы.

Татьяна проглотила подступивший комок. Она всеми силами пыталась не дать волю чувствам, но ей казалось, что еще немного – и она разревется, как школьница, которой впервые признались в любви.

– Ты здесь с кем-то? Два билета взяла... – сощурился Эдуард.

– Я с мужем, – глядя прямо ему в глаза, промолвила Татьяна. – С Вячеславом, – добавила она.

– Славка? – потрясенно произнес Эдуард. – Мне казалось, что вы... ну, в общем...

Татьяна молчала, но Эдуард быстро взял себя в руки. Он надел очки (излишне резким движением, как отметила Татьяна), словно они помогали ему сохранить уверенность.

– Он искал тебя, Эд, – сказала Татьяна. – Он считал тебя другом.

– Так оно и есть, – вздохнул Эдуард. – Но в моей жизни произошло много событий, и мне пришлось надолго уехать.

– Так что ты тут делаешь?

Эдуард усмехнулся.

– Защищаю животных. Да-да, не поверишь, я согласился помочь местному филиалу «Гринпис», может, видела транспаранты в городе?

– И кого же ты спасаешь? – улыбнулась Татьяна.

– Всех подряд. Кенгуру, динго, коалы, утконосы, ехидны, те же самые акулы, между прочим. Кстати, – он круто развернулся к Панаме, которая все это время с открытым ртом внимала каждому их слову, – дайте и мне билетик. Полюбуюсь на вашу морскую фауну...

– Эдик, ты с ума сошел! – ахнула Татьяна. Она не знала, какая реакция будет у Славы, узнай он о том, что его бывший друг, который вот уже несколько лет считался пропавшим без вести, вдруг объявляется в Тасмании, но в свете последних событий эта реакция могла быть непредсказуемой.

– Можешь ничего не говорить Славке, – успокаивающе

сказал Эдуард, пряча билет в нагрудный карман рубашки.

– Хочешь, я даже не буду подходить к вам завтра? – предложил Эдуард. – И вообще, почему ты думаешь, что он узнает меня? Ты ведь тоже не сразу поняла, что я – это я. Ладно, мне пора.

– Пока, – сказала Татьяна.

Эдуард отсалютовал ей и быстро зашагал прочь. Глядя на его пыльные пятки, по которым звонко хлопали задники шлепанцев, она почему-то развеселилась. Надо же, «Гринпис»!

Она вздохнула. Дверца, на которой висел замок, с треском распахнулась, и все мысли, преданные забвению, ошеломляющим вихрем наполнили ее. Ей даже показалось, что после встречи с Ним она отчетливо почувствовала необычайный прилив сил и энергии. Как цветок, который полили родниковой водой после нескольких дней засухи.

...Они познакомились в Москве, совершенно случайно. Он – обычный милиционер, служил в уголовном розыске, семейный человек, хотя и немного неординарный. Она – приезжая из Молдавии, красивая, хрупкая девушка с громадными, немного встревоженными глазами, но с твердым намерением реализовать себя в российской столице. Первое время их встречи носили чисто дружеский характер, пока Татьяна не поняла, что их отношения как-то незаметно переросли в другую фазу. Она стала ревновать Эда к семье, скучала без него, ее раздражала постоянная игра в Штирлица, в частно-

сти, что они могут созваниваться лишь в рабочее время, и она приняла решение порвать все связи с ним. Это было тяжело, но другого выхода не было.

Тем временем за ней настойчиво ухлестывал Слава, разведенный холостяк. Не отдавая себе отчета, что делает, а отчасти от безысходности, Татьяна ушла к нему. Парадоксально, но сей факт не отразился на отношениях между Эдуардом и Вячеславом, первый на удивление легко «простил» друга. Однако сам себя не обманешь, они общались все реже и реже, пока Эд куда-то не пропал. Татьяна вышла замуж за Славу. Своих детей у них не было, из Кишинева Татьяна привезла дочь Ольгу, которая сейчас училась в Англии. Дела у Славы неожиданно быстро пошли в гору, он довольно успешно вел свой бизнес, став уважаемым человеком, у нее было все, о чем многие женщины могли только мечтать, но сердце подсказывало ей, что все это не совсем то, к чему она стремилась. Что-то было ненастоящее в этой жизни, фальшивое.

Она показала знаком телохранителям, что собирается домой, и они направились к машине.

* * *

– Она жива?!

– Конечно, жива, идиот, разве ты не видишь?!!

– Я просто... О черт, только не это!

– Валик, не мешайся под ногами! Лучше помоги!! Маришка! Солнышко, ты слышишь меня? Смотри на меня! Не закрывай глаза, слышишь?!

– Влад, не кричи...

– Я не могу поднять этот камень!!! Да помогите же, мать вашу!

«Сон. Это все сон. Я просто сплю, и это мне снится», – как заклинание повторял про себя Валентин, которого все знакомые и друзья (а зачастую и родители) называли Валик. Он в ужасе глядел на распостертое тело девушки.

– Нет! – визгливо крикнул он и тут же получил мощную затрещину от Влада – широкоплечего крепыша, подстриженного под ежик. На его крупном лице с попеременным успехом сменяли друг друга выражения страха и гнева.

– Не стой пнем! Найди какой-нибудь рычаг! – заорал он и снова навалился на камень. Под обтягивающей майкой с полукружьями пота под мышками забугрились мышцы, но камень даже не шелохнулся.

– Потерпи, Маришка, – пыхтел Влад, лицо его побагровело, на виске фиолетовым червем вздулась толстая жилка. – Ищи рычаг, черт тебя дери!!

– К...какой рычаг? – пролепетал Валик, судорожно поправляя очки и вертя по сторонам своей кучерявой головой на хлипкой шее. – Тут ни фига нет! Одни камни, Влад!

Усилием воли он приказывал себе не смотреть на Марину, но его подслеповатые глаза, увеличенные линзами очков в

толстой оправе, безотрывно смотрели на струйку крови, которая неумолимо вытекала из-под камня. Того самого места, под которым находилась правая рука девушки.

«Боже, ее руку всю расплющило. Придавило почти по локоть», – металась в его мозгу мысль, и он почувствовал, что бутерброд с сыром, проглоченный недавно с таким аппетитом, активно засобирается наружу.

– Давай еще раз! – прорычал Влад. – Катрин, помогай!

Последние слова были адресованы худенькой девушке с длинными распущенными волосами. Она приникла к каменной плите.

– А тебе отдельное приглашение надо? Валик, не зли меня! – крикнул Влад.

Поборов тошноту, Валик взял себя в руки и, стиснув зубы, навалился на камень. Бесплезно, такое ощущение, что глыба намертво вросла в скалу. Минут пять они кряхтели, сдирая пальцы в кровь, пытаясь приподнять глыбу, но все было напрасно.

– Звони, Валик, – тяжело дыша, сказал Влад. – Вызывай помощь!

– Как? – робко переступил пыльными кроссовками Валик. – Телефоны внизу остались, в рюкзаках...

– А-а, черт! – выругался Влад и, вытирая исцарапанной ладонью пот, градом катившийся с разгоряченного лба, взмолился: – Катрин, давай вниз! Молнией!!!

Девушка молча прыгнула на тропинку и, поднимая об-

лачка пыли, исчезла из виду.

– Марина, – дрогнувшим голосом позвал Влад и осторожно погладил ее по голове. Девушка застонала и открыла глаза. Ее миловидное лицо исказилось от боли.

– Помоги... Владик... Очень больно, – еле слышно произнесла она.

Влад чертыхнулся, растерянно оглядываясь.

– Ну где ее носит?! – крикнул он, имея в виду Катю.

Валик хотел напомнить, что в лучшем случае Катрин доберется до лодки минут через пять, а то и больше, но, взглянув в полубезумные глаза Влада, промолчал.

И зачем они пошли этой тропой!

Влад наклонился, стараясь разглядеть, насколько сильно повреждена рука у жены. Когда он повернулся к Валику, лицо его было белее снега.

– Черт... Щас блевану, – прошептал он. Он сделал два шага и обронил: – Рука в лепешку. Там кости наружу торчат, и крови полно.

Валик отвернулся.

– Тут кто-то должен жить, – пробормотал он. – Может, нам помогут?

– Да? А чьи слова, что это «обалденное дикое местечко»?! – едва не срываясь на крик, спросил Влад.

Он присел над Мариной и взял ее за здоровую руку. Она была прохладной и влажной от пота, и это еще больше напугало парня:

– Валик, что с ней? У нее кожа вся холодная и... белой становится!

– Дай ей попить, – хриплым голосом предложил Валик. Его лицо тоже побледнело, и россыпь ярко-красных прыщей, которые не желали расставаться с его кожей даже после подросткового возраста, проступила еще отчетливей, словно уколы от спицы.

Дрожащими руками Влад достал фляжку и поднес горлышко к губам Марины. Но та уже снова впала в забытие, и вода просто текла по ее лицу.

Где-то сбоку послышался шорох, тяжелое дыхание, и через мгновенье на тропу выскочила Катрин.

– Лодки нет, – выдохнула она.

Влад и Валик переглянулись. В воздухе повисла страшная тишина, липкая и вязкая, как змеиный яд, которую время от времени нарушали насекомые, кружившие над головами молодых людей.

– Как это «нет»? – издал писклявый истеричный смешок Валик.

– Ты уверена в этом? Не ошиблась? – спросил Влад глухо. Катрин кивнула.

– Но как они могли уплыть без нас? – потрясенно проговорил Валик. – Мы ведь договорились и заплатили им вперед!

Он ожесточенно поскреб свою курчавую голову, словно от этого действия в ней могли зародиться гениальные идеи

выхода из создавшейся ситуации.

Сверху, подскакивая, скатился небольшой камешек и упал в двух шагах от кед Катрин. Вообще-то по паспорту она была Катей, но в их тусовке ее называли не иначе как Катрин. Она была хиппи и одевалась соответствующе – бесформенные платья, драные джинсы, на ногах кеды, а когда тепло – и вовсе могла шастать босиком.

– Может, сгоняем на разведку? – сказала она. – Все равно нам не справиться. Тут даже палки нормальной нет, чтобы под плиту подсунуть...

Влад склонился над бесчувственной девушкой.

– Почему эта чертова глыба не упала на меня, – сдерживая слезы, прошептал он.

Он оглянулся, и Валик испугался, увидев в глазах приятеля нескрываемую ненависть.

– Молись, чтобы она сохранила руку, Валик. Твою мать, ты что, не мог выбрать другое место для прогулки? Обязательно было нужно переться сюда?!

Валик от обиды был готов заплакать. Еще бы, ведь это сам Влад проявил инициативу перебраться на тот гребень по этой узкой горной тропинке! А он, Валентин, лишь предложил посетить этот несчастный островок, о котором вычитал в Интернете, вот и все! И уж тем более не его вина, что те двое типов, которые подвезли их сюда на лодке, оказались обыкновенными ворами и слиняли с их вещами!

– Молись, чтобы с ней было все в порядке, – как заведен-

ный, повторил Влад и нежно поцеловал лоб супруги.

Катрин бесшумно подошла к подруге и, наклонившись, долго разглядывала руку. Потом подняла голову и сказала, ни на кого не глядя:

– Забудь о руке, Влад. Она УЖЕ ее потеряла. Как бы...

– Что?! – прошелестел Влад и уставился на девушку круглыми, как монеты, глазами.

– Как бы нам саму Марину не потерять, – закончила Катя устало. Она выпрямилась, отряхивая выцветшие джинсы: – Нужно что-то решать, иначе она может уйти от нас.

Влад вскочил на ноги. Он старался держать себя в руках и не обращать внимания на слова приятельницы, произнесенные вроде бы спокойным тоном, но несущие в себе настолько зловещий смысл, что... нет, этого просто не может быть!

Но и Катрин зря трепаться не будет, эта девчонка – крепкий орешек. Ее саму пару раз вытаскивали с того света, и что такое смерть, эта худышка с острым подбородком и пронзительным взглядом знает не понаслышке.

Он вытер лицо, оставив на лбу и щеках грязные разводы.

– Смотрите за ней. Я скоро вернусь.

И, прежде чем Валик успел что-то возразить, он скрылся из виду.

Валик вздохнул.

– Да уж... – тоскливо покачала головой Катя. – Офигенно отдохнули. Как он мог свалиться? Огромный остров, и ничего, а мы полезли – и надо же, прямо в точку.

Валик, немного прийдя в себя, осмысливал происшедшее со своей колокольни.

...А ведь так хорошо все начиналось! Всю неделю они отрывались по полной, объездили все дикие места, побывали на трех островах, ныряли с аквалангами, лазили в ущелье Монаха и буквально за два дня до возвращения домой решили побывать на этом крошечном островке под названием Спящий.

«А он и вправду Спящий», – вдруг подумал Валик, еще раз оглядываясь. Пейзаж острова не баловал разнообразием и красочностью – кругом были одни скалы и дикий пляж у самой кромки воды. Да, еще птицы. Они небольшими стайками кружили в небе, визгливо переговариваясь на своем птичьем языке.

За небольшую плату они договорились с двумя молодыми парнями, что те отвезут их туда и обратно на своей моторной лодке. «Лодкой» оказалось проржавевшее до невозможности какое-то мятое корыто с облезлой краской, и Валик до последнего отказывался верить, что эта развалюха еще в состоянии плавать, и ни капли не сомневался, что они все пойдут ко дну, как только взгромоздятся на нее... Тем не менее лодка выдержала их всех, и на ней даже работал мотор, правда, он ревел и рычал, как чудовищный дракон из фильмов в жанре фэнтези.

Они поднялись на гору, полюбовались пейзажем, открывшимся им сверху, передохнули, а потом начали спускаться.

Влад шел первым, за ним Марина... потом Катя, и замыкал шествие он, Валик. Затем у Марины развязался шнурок, и она, пропустив его и Катрин, оказалась последней... а потом вдруг сверху посыпалась каменная крошка, и несколько булыжников упали совсем близко от их компании, а один осколок даже попал в плечо Валику, больно ударив.

Марина была на два-три метра выше их группы и уже собиралась спрыгнуть на тропинку, как неожиданно сверху на нее, затмив полнеба, стала сползать громадная плита. Шурша катящимися камнями, она, словно гигантская черепаха, наползла прямо на оцепеневшую девушку, которая лишь в последний момент успела отпрыгнуть в сторону, но, поскользнувшись, неудачно упала, вывернув правую руку. На нее и съехала плита, намертво прижав ее к камню, как тиски.

– Владик, – произнесла слабо Марина. Она бессмысленно вращала зрачками в тщетной попытке отыскать мужа. – Владик, где ты? Я стала плохо видеть.

– Маришка, он за помощью ушел, скоро будет, – затараторил Валик. – Потерпи, пожалуйста!

– Владик! – громче позвала Марина и неожиданно, к ужасу ребят, стала дергать изувеченной рукой. Боль, судя по всему, последовавшая за этими движениями, была настолько острой, что девушка на несколько секунд снова потеряла сознание. Однако, придя в себя, она опять принялась извиваться, не обращая внимания, что тем самым усиливает кровотечение.

– Владик... Владик, милый, родной, почему ты... ты оставил меня, Владик... Владик, Владик, Владик Владик Владик ааааааааа!!!! – завизжала она, мотая головой из стороны в сторону. Валику стало страшно.

– Влад! – заорал он, сложив ладони рупором. Господи, скорее бы он пришел!

Он посмотрел на бледное лицо Марины и совершенно не к месту отметил, что по ее посиневшей, распухшей руке ползет какой-то толстый жук.

* * *

Когда Татьяна возвратилась в отель, Вячеслав был пьян, и ее это неприятно удивило. Он и раньше мог позволить себе расслабиться после работы, но в последнее время она стала замечать, что дозы его благоверного медленно, но неуклонно росли, причем каких-либо поводов для «снятия стресса», особенно здесь, в общем-то, не было. И теперь ей пришлось приложить немало усилий, чтобы сдерживать свой гнев.

– Завтра мы совершим небольшую морскую прогулку, – сказала она, с наслаждением скидывая туфли. – А что, сегодня какой-то праздник, Слава? – как бы между прочим поинтересовалась она.

Он сидел на диване, забросив ноги в домашних тапках на журнальный столик. Замутненные глаза не отрываясь смотрели в телевизор, по которому увлеченно рассказывали об

особенностях уборки сахарного тростника. На столике стояла почти пустая бутылка из-под виски.

– Я с тобой разговариваю, Слава. – Татьяна встала прямо перед ним.

– Какая, на хрен, прогулка? – разлепил он губы, даже не взглянув на жену.

– Ты ведь хотел посмотреть акул? Я нашла одно агентство, которое занимается этим, – сказала Татьяна. Казалось, муж ее не слышал.

Зайдя на кухню, она сморщила носик – пахло жженой бумагой.

– У тебя тут что-то сгорело? – крикнула она, но Вячеслав не отозвался.

Взгляд женщины упал на пепельницу – она была заполнена обугленными чешуйками. Совершенно случайно она обнаружила на полу клочок бумаги. Присмотревшись, Татьяна определила, что это обрывок фотографии. Она вспомнила сцену в офисе, когда он обнаружил среди бумаг какую-то фотку. Что это, совпадение?

Она покачала головой и пошла в душ, подставила лицо прохладным струям воды. Ей почему-то захотелось плакать. Впервые за последние годы она задумалась о том, что ее держит возле Вячеслава. Перед глазами неожиданно возник образ улыбающегося Эдуарда, и сердце ее затрепетало, а по стройному загорелому телу словно пробежал ток.

Когда она вышла из душа с полотенцем на голове, Слава

уже храпел, развалившись на диване, пустая бутылка валялась на ковре. Татьяна сняла с супруга тапки и принялась вытирать столик.

«...пока не удалось выяснить. В настоящий момент известно, это молодой мужчина, европеец... – услышала она диктора, вещавшего с экрана телевизора. – ...выбросило волной. Личность пока не установлена. По предварительной информации, смерть наступила от раны на шее...»

Татьяна не стала дальше слушать и выключила телевизор.

* * *

Теплое солнышко ласково пригревало его кожу, ветерок лохматил волосы, заставляя вспоминать беспечное детство, сквозь приятную прохладу воды он видел слегка размытые очертания своих ступней. За правую руку его цепко держал сияющий от счастья малыш. Вода доставала ему до подбородка, но это не пугало его, и глаза его озорно блестели.

– Как здоровско! – вырвалось у него.

Он согласно кивнул. Мальчик усилил рукопожатие, продолжая с радостным изумлением смотреть куда-то вперед.

– Ты хочешь на берег? – спросил он. Мальчик, казалось, не слышал вопроса.

Краем уха он уловил позади какой-то шум. Маленькая волна окатила мальчика, и он закашлялся, выплевывая воду, не переставая улыбаться.

«Надо бы выйти с глубины», – озабоченно подумал он, но почему-то не тронулся с места, его конечности и мозг словно жили каждый сам по себе. Малыш довольно захихикал и показал кому-то язык. Шум за спиной нарастал, волны становились все выше, накрывали ребенка с головой.

– Может, выйдем на берег? – предложил он, но мальчик и ухом не повел. Он будто и не существовал для ребенка.

Вдруг он обнаружил, что купающиеся один за другим выходят из воды, медленно, слегка наклонившись вперед, как зомби, и вскоре они остались совершенно одни. Ветер утих, солнце больше не грело, хотя и не скрылось за облаками, он вдруг перестал ощущать воду и запахи. Оглушительная тишина, резкая, до боли в глазах. Ни чувств, ни запахов, ни осязаний, только плоская картинка в тусклых красках и это хихиканье мальчика... было в нем что-то ненормальное. Сзади медленно нарастал странный шум.

Мальчик хихикал все громче, и скоро хихиканье переросло в истерический смех. Ребенок, не мигая, смотрел на берег, голова его нервно подергивалась, будто кто-то невидимый хлестал его по щекам.

Наконец он проследил за взглядом малыша. И обмер. На песке стояла точная копия мальчугана, которого он держал за руку. Те же ярко-зеленые трусики, те же светлые кудри, обрамлявшие милое личико, те же озорные глаза... Только ребенок на берегу, в отличие от своего «близнеца», который уже не просто смеялся, а хрипло хохотал, захлебываясь су-

хим кашлем, строго смотрел на него и с укоризной качал головой, как если бы упрекал его в чем-то. Мальчик начал что-то говорить, но из-за усиливающегося шума он не смог разобрать что.

Малыш, которого он держал за руку, уже не хрипел, он едва слышно скулил.

На секунду все замолкло, и мальчик на берегу громко и отчетливо произнес:

– УХОДИ.

«Как они могут быть так похожи?» – задал он сам себе вопрос.

Он взглянул вниз, собираясь сказать, чтобы ребенок ослабил хватку (крошечные ногти уже прорвали кожу его ладони), и завопил от ужаса. Вместо малыша в воде колыхался распухший труп. Растянув в ухмылке безгубый, изъеденный рыбами рот, утопленник настойчиво тянул его к себе за руку. Позеленевшая кожа на сморщенных пальцах лопалась, обнажая кости, но хватка была крепкой. Зловонное пятно расплывалось вокруг дряблого тела, как нефть от затонувшего танкера. Вторую руку сильно дернуло, и вот уже второй мертвец с выпученными глазами тянул его к себе под воду.

Шум за спиной возобновился, и он непроизвольно повернул голову. Что-то большое надвигалось на него, и последнее, что он помнил, было громадное красное пятно...

...Вячеслав подпрыгнул в кровати, из глотки рвался животный крик, зрачки бешено вращались в поисках чудовищ-

ного ребенка, который во сне превратился в труп. Но все было тихо. Это был всего-навсего сон.

Рядом перевернулась на бок Татьяна.

– Слава? – сонно спросила она.

– Все нормально, – тяжело дыша, ответил мужчина. Он слез с кровати и, пошатываясь, направился на кухню.

Достав из холодильника бутылку минералки, он долго и жадно пил, проливая воду на подбородок и грудь.

Все нормально? Твою мать. Ничего, к черту, не нормально. Еще один такой сон, и психушка ему обеспечена.

Он вспомнил о фотографии, которую утром ему кто-то подсунул под дверь. Кто это мог сделать, осталось загадкой – никто из служащих отеля так и не признался, а посторонних тут не пускали.

Значит, все правда. Значит, его перестраховка оказалась пшиком. И его нашли даже здесь, в самой глубочайшей жопе на земле. А он-то думал, что надежно спрятался!

«А может, ты переоцениваешь ЕГО возможности? – вкрадчиво поинтересовался внутренний голос. – Ты стал слишком мнительным, Славик...»

Он сделал еще пару глотков и убрал бутылку в холодильник. Его всего трясло. Он взял сигареты и вышел на балкон. Дрожащими пальцами прикуривая сигарету, он вспомнил, что Таня вчера что-то говорила о морской прогулке. Что ж, возможно, это поможет ему отвлечься...

«Бежать», – холодно произнес кто-то безжалостно.

Бежать, бежать, бежать. Пока не поздно. Вот так вот.

– Ладно, – сказал он вслух, стараясь придать своему голосу уверенность. – Поплаваем в море, а потом свалим. Мир большой, и ты не найдешь меня, падла. Мария Бравлина не рожала беспомощных ягнят для убоя.

За горами забрезжил робкий рассвет, и он затушил окурок.

* * *

Влад бежал вперед, не разбирая дороги. Его сильные ноги, обутые в модные, удобные кроссовки, то и дело спотыкались о камни и различные выступы, и он один раз даже упал, разодрав до крови локоть. С каждой секундой его охватывала паника, дикая, безудержная, готовая вот-вот вырваться наружу.

Он был настолько выбит из колеи случившимся, что его сознание только сейчас со всей пугающей отчетливостью начало осмысливать – они влипли. Влипли так, как, едрить его за ногу, никому и не снилось. На слуху все еще плавали отголоски жуткой фразы Катрин, из-за которой он и сорвался с места как ужаленный. Катрин права, она зря слов на ветер не бросает... не то что этот прыщавый тюфяк Валик.

Он выругался, беспомощно оглядываясь вокруг. Никакого намека на то, что здесь живут люди. Ни-ка-ко-го. Валик был прав, это действительно «обалденное дикое местечко».

«Она УЖЕ потеряла руку», – вспомнил он слова Катрин, и его кожа покрылась мурашками. Господи, что же будет?!

«И что ты скажешь ее родителям?» – промурлыкал внутренний голос. Влад чуть не застонал. Отец Марины был отставным полковником ФСБ и души не чаял в единственной дочке. Характер его можно было сравнить с неразорвавшейся бомбой, и Влад даже и думать не хотел, что ему после всего этого предстоит «беседа» с тестем, который, к слову сказать, отпустил Марину в это путешествие под его, Влада, ответственность и обещал три шкуры с него спустить, если она хоть один ноготок сломает... А тут явно одним ноготком не отделаешься.

Глаза застилал соленый пот, и парень то и дело вытирал лицо. Запыхавшийся и усталый, он вскоре сбавил темп и перешел на трусцу, а потом и вовсе зашагал. Он внимательно вглядывался под ноги в надежде найти хоть что-то, что можно было бы использовать как домкрат, но вокруг были сплошные камни и скалы, угрюмые и равнодушные ко всему окружающему и к их проблемам тоже.

«У нас мало воды», – проскользнула у него мысль. Точно, у них только одна фляжка, и почти всю ее Влад извел на Марину. Остальные запасы воды благополучно уплыли в лодке с теми двумя пройдохами. Ну, погодите, дайте только выбраться отсюда...

– Я вам покажу!.. – закричал в расплавленную от жары пустоту Влад, чтобы хоть как-то снять напряжение. Его голос,

искаженный акустикой острова, эхом прокатился по вершинам, и ему снова стало страшно. Впервые он почувствовал себя не крепким мускулистым мачо, преодолевающим любые преграды со снисходительной улыбкой на губах, а маленьким, растерянным и напуганным до смерти человечком.

Внезапно он услышал какой-то звук наверху и остановился, прислушиваясь. Его сердце колотилось так сильно, что первые мгновения он слышал только его, но затем до его уха отчетливо донесся кашель.

– Эй! – завопил Влад, отходя назад, чтобы было лучше видно. Сверху посыпалась пыль, и кто-то снова кашлянул. – Эй, есть там кто-нибудь? Нам нужна помощь!

Ему никто не ответил, и Влад принялся карабкаться на уступ. Ломая ногти и изрыгая проклятия, он через минуту был на громадной каменной плите. В нескольких шагах от него прямо на солнцепеке сидел человек, с головы до ног укутанный в какое-то рваное тряпье. Его лица не было видно, так как тоже было закрыто, на голове что-то вроде неуклюже завязанного тюрбана. Перед человеком лежала кучка какой-то трухи, и он сосредоточенно чиркал спички одну за другой об мятый коробок в тщетной попытке ее поджечь.

Влад с некоторой опаской приблизился к нему, но незнакомец даже не повернул головы, хотя не заметить юношу было невозможно.

– Здравствуйте... – Влад на секунду замялся, подумав, что этот тип вряд ли понимает русскую речь: – Do you speak

English?²

Молчание.

– Help us! – снова заговорил Влад. – My wife...³

– Не трудись, я тебя понимаю и по-русски, – тихо ответил незнакомец, чем поверг Влада в такое изумление, что он застыл на месте с открытым ртом. – Убирайтесь отсюда, – глухо произнес человек после паузы. Его голос звучал как-то странно, полупшепотом и с придыханием, будто что-то сильно давило ему на грудь.

– Прошу, помогите! – взмолился Влад. – Моя жена... ей камнем придавило руку. Я с друзьями, но мы не можем поднять его!

– Убирайтесь, – повторил мужчина таким же бесцветным голосом, и Влада обуяла ярость. Убирайтесь?! Он что, не слышит его?

В два прыжка он подскочил к человеку и схватил его за шиворот. Ветхие лохмотья жалобно затрещали.

– Ты, придурок, слышишь, что я говорю?! – зашипел Влад прямо в лицо оборванцу.

Глубокие светло-голубые глаза невозмутимо смотрели прямо на него, и это слегка озадачило парня. Этот странный бродяга не выглядел ни удивленным, встретив его здесь, ни раздраженным, ни испуганным, наконец. В его глазах пряталась какая-то тяжелая пустота, обрекающая на тревогу и

² Говорите ли вы по-английски? (англ.)

³ Помогите нам! Моя жена... (англ.)

неопределенность.

– Ну? У тебя есть телефон? – закричал Влад, снова трянуv мужчину, про себя подумав, что сморозил явную глупость, – откуда у этого грязного бомжа телефон?! – Есть тут кто-нибудь еще? Может быть, какая-нибудь лодка? Я к тебе обращаюсь!

Снова треск рвущейся материи. Полы протертого до дыр халата распахнулись, и Влад, потеряв над собой контроль, уже размахнулся, чтобы ударить человека, как его взгляд совершенно случайно упал на громадный нож, заткнутый за пояс мужчины. Его пальцы разжались сами по себе, и он сделал шаг назад. Голубые глаза незнакомца продолжали взиpать на него с холодным безразличием, и Влад задал себе вопрос: а кто вообще этот человек? Судя по его виду, он ненормальный. Или какой-то торчок. Точно, Катрин как-то рассказывала, что среди австралийского простонародья немало любителей «дунуть».

«Какое, в жопу, простонародье? – сказал он сам себе, не в силах оторвать глаз от кривой рукоятки ножа. – Какой, на фиг, телефон? Мы на безлюдном острове, и передо мной какой-то шизик, разговаривающий по-русски, с охренительным тесаком в штанах... Кажется, я схожу с ума».

– У тебя есть спички? – как ни в чем не бывало задал вопрос мужчина.

– Нет. Послушай, нам действительно нужна помощь, – сказал Влад, слегка остыв. – Лодка, на которой мы приплы-

ли, ушла, бросив нас тут. Дорога каждая секунда. Моя жена может умереть, ты врубаешься?!

В глазах незнакомца пронеслась какая-то смутная тень. Он с бережливой сосредоточенностью поправил выбившиеся складки своего одеяния, после чего снова вернулся к своему занятию, за которым его застал Влад, – принялся безуспешно разжигать костер.

Влад сплюнул. Черт, здесь ему ловить нечего.

– Надеюсь, ты когда-нибудь окажешься в шкуре моей жены, – процедил он и уже хотел спрыгнуть с плиты, как бродяга тихо окликнул его:

– Что с ней?

Влад остановился.

– Я же сказал. Камень придавил правую руку, почти по локоть. У нее открытая рана, она теряет кровь. И у нас заканчивается вода, – буркнул он.

– Сколько времени?

Влад злобно посмотрел на него.

– Извини, часы в лодке забыл. Не обиделся?

– Сколько времени она под камнем, тупица? – все так же тихо поинтересовался оборванец.

– Минут двадцать, – сказал Влад, понимая, что лжет самому себе, – он только сюда бежал минут двадцать, а там они провозились не менее получаса.

– Дальше ничего нет. Нужно возвращаться, – глубоко-мысленно сказал мужчина. Он выпотрошил коробок, считая

оставшиеся спички. Осталось три штуки. Одну он сломал, вторая потухла, едва загоревшись. Он вздохнул, посмотрев на небо, и Владу захотелось его убить. Между тем бродяга чиркнул последней спичкой, осторожно поднес ее к своей жалкой кучке, и... о чудо, огонь вспыхнул!

– Теперь мы можем идти? – крикнул, задыхаясь, Влад. Господи, сколько можно сидеть, ведь Марина там кровью истекает!

Незнакомец достал из расщелины несколько сухих веток, еще какой-то трухи, кинул все это в разгорающийся костер, оторвал пару лоскутов от своего одеяния и отправил их туда же. После этого он неторопливо выпрямился.

– Как ты здесь очутился? – не удержался от вопроса Влад, когда они заспешили обратно.

– Так же, как и ты, – усмехнулся незнакомец.

– Ты русский?

– Финн.

– А откуда русский знаешь? – не отставал Влад, которому все это казалось крайне странным.

– Ты задаешь слишком много вопросов, – сказал мужчина, и Влад замолчал. Он постепенно опять перешел на бег, про себя понимая, что одновременно боится и жаждет снова увидеть Маришку. Жаждет, потому что чувствует свою вину перед ней, и... просто потому, что безумно любит ее. А боится, потому что...

(Как бы нам ее не потерять...)

Он сжал кулаки до хруста в костяшках и побежал изо всех сил.

* * *

Татьяна так и не решилась рассказать мужу о встрече с Эдуардом. Более того, когда она пыталась восстановить в памяти их разговор, у нее вообще мелькнула мысль, что их встреча была не более чем мираж.

«Придет или не придет? – терзалась она, торопливо наводя макияж. – А может, найти какой-нибудь предлог и отговорить Славу от этой поездки?!»

Однако, к ее удивлению, Вячеслав выразил готовность отправиться куда угодно, хоть на вечеринку к дьяволу.

Они приехали в назначенное место за пять минут до времени, указанного в билетах. Отлучившись якобы в туалет, Вячеслав сделал пару глотков виски, которое прихватил с собой в сумке. Нутро обожгло, на глазах выступили слезы, но потом стало значительно легче. Вернувшись, он приказал телохранителям возвращаться в отель и ждать звонка, чтобы потом встретиться.

У пристани на волнах лениво покачивалась довольно обшарпанная яхта, на боку которой облупившейся краской было выведено: «FLEXY». Рядом со скучающим видом слонялась Панама. Увидев ее и Вячеслава, она кисло улыбнулась, но не поздоровалась. Впрочем, Татьяне было не до фами-

льярностей, она с колотящимся сердцем выискивала Эдуарда. Однако его пока нигде не наблюдалось, и она не знала, радоваться ей или горевать. Вячеслав с подозрением разглядывал яхту, невозмутимо покачивающуюся в воде.

У причала было пустынно. Кроме них, была еще одна пара – толстый юноша лет двадцати пяти, к которому робко жалась такой же комплекции девушка, эдакая пара слипшихся пончиков. Оба старательно жевали сэндвичи, роняя крошки и капая майонезом на неровный асфальт.

Прошло еще пять минут, но ничего не происходило, больше никого не было, и на борт яхты их никто не приглашал. Панама, взглянув на дешевые часы, засемила на мостик, ведущий на палубу «FLEXY», и о чем-то заговорила с долговязым мужчиной в засаленном комбинезоне.

– Ну, и где твои акулы? – недовольно спросил Вячеслав. Спиртное уже слегка ударило в голову, ему надоело торчать на солнцепеке и хотелось уже спокойно расположиться на борту яхты.

– Не нервничай, мне сказали, что все будет, – ответила Татьяна.

От нечего делать она принялась прогуливаться взад-вперед. Она обратила внимание, что неподалеку от причала крутится какой-то невысокий темнокожий юноша. Он дымил сигаретой, время от времени бросая на них жадные взгляды.

Спустя минуту Панама спустилась с мостика и направилась к ним. Лицо ее было растерянным:

– I'm sorry, простите. Проблема. Don't worry⁴, деньги возврат.

– Чего?! – уставился на нее Вячеслав, и его внезапно искажившееся лицо заставило Панаму непроизвольно попятиться назад.

– Мало people⁵. «FLEXY» не едет, – проблеяла она.

– Что мало? – теряя терпение, гаркнул Бравлин.

– Пассажир мало, – испуганно забормотала оробевшая женщина и сделала еще шаг назад. – Ваши money⁶ обратно можно получать наш офис.

Какое-то время Вячеслав переводил рассерженный взгляд с Панамы на облезлую яхту, затем гневно посмотрел на толстую парочку, будто они являлись причиной того, что поездка к акулам отменяется.

Залопотав что-то на английском, толстяки торопливо удалились, оставив после себя обертки от сэндвича.

– Что теперь? – мрачно спросил Вячеслав.

Татьяна убрала со лба прядь волос. Настроение было испорчено.

– Ку-ку, – неожиданно раздалось сзади. Вячеслав чуть не подпрыгнул на месте от испуга.

Это был Эдуард. Та же неизменная бейсболка, те же очки и жевательная резинка.

⁴ Не волнуйтесь (*англ.*).

⁵ Люди (*англ.*).

⁶ Деньги (*англ.*).

– Чего надо? – ворчливо поинтересовался Вячеслав. Татьяна старалась не встречаться с Эдуардом глазами, чувствуя, как алеют щеки.

Он снял очки и подошел ближе, широко улыбаясь.

– Теперь тоже не узнаешь?

Вячеслав остолбенело пялился на мужчину, потом его лицо вытянулось:

– Твою мать, не может быть... Эдик?

– Он самый.

– Эд, сукин сын... Это что, правда ты?

– Нет, я Скуби Ду, по доверенности от Эда. Ты что, Слава, ослеп?

Они обнялись.

– Но как? – все еще не мог поверить бизнесмен. – Каким... тебя сюда занесло, черт подери? Я думал, ты уже давно на том свете!

– Рано поминки по мне справляешь, – хохотнул Эдуард. Он огляделся и задал вопрос: – Насколько я понимаю, экскурсия отменяется?

Татьяна кивнула.

– А я ведь предупреждал, – напомнил он, потом спохватился, увидев, как вспыхнуло лицо Татьяны, но было уже поздно.

– Что? Вы что, уже где-то виделись? – засопел Вячеслав.

– Вчера. Но ты был в таком ауте, что я не стала тебе ничего рассказывать, – спокойно сказала Татьяна, и он, что-то

буркнув, успокоился.

– Ладно, какие планы? – деловито спросил Эдуард. – Можно сходить в какой-нибудь ресторанчик, я знаю один поблизости. Конечно, если вы все еще хотите взглянуть на акул, я могу это устроить. Единственное, придется подождать, человек, который может нам помочь в этом, будет только после обеда.

– Жаль, – вздохнула Татьяна.

Тем временем к ним быстрым шагом направлялся темнокожий парень. Одет неряшливо, рубашка грязная, колени протерты до дыр, на ногах разваливающиеся сандалии. Зато в ухе поблескивала желтая серьга, и судя по всему, из золота. При его появлении Эдуард нахмурился.

– Sharks? – спросил юноша коротко.

Прежде чем Вячеслав с Татьяной успели как-то отреагировать, Эдуард взял незнакомца под локоть и отвел его в сторону, тот не возражал. Они о чем-то разговаривали на английском, после чего Эд вернулся к друзьям.

– Он предлагает выйти в океан прямо сейчас. Он отвезет нас к одному человеку, у него своя лодка. Но...

– Тебя что-то смущает? – осторожно спросила Татьяна.

– Кажется, я знаю того человека. Он работает на себя. Бывший охотник, когда-то даже бил китов. Так что сомневаться в том, что он отвезет вас к акулам, оснований нет.

– Тогда в чем же дело? – улыбнулась Татьяна. – Он дорого возьмет?

– Не в деньгах дело. – Эдуард потер переносицу. – Наверняка этот старик совместит приятное с полезным и захочет загарпунить пару-тройку рыбешек.

– Нам-то какое дело? – фыркнул Вячеслав.

Эдуард пожал плечами.

– Рыбок жалко, – хитро подмигнул он неизвестно кому.

Парень с серьгой терпеливо ожидал, какое решение примет троица.

«Фотография, – проскользнула у Вячеслава мысль. – Может ли это быть ловушкой?»

Он смерил брезгливым взглядом неопрятного юношу, с бесстрастным видом крутившего в руках какой-то брелок. Нет, не может быть, чтобы этот голодранец был как-то связан с этим делом...

– Едем, – заявил он решительно. – Я уже настроился и отступить назад не намерен.

И, не обращая внимания на уничтожающий взгляд Татьяны, он достал из сумки начатую бутылку виски и пластиковый стаканчик:

– Извини, братуха, не знал, что тебя встречу, так что только один взял. Давай, за нас.

Эдуард не стал отказываться, и они выпили.

* * *

Насквозь проржавевший автомобиль рычал и фыркал,

подскакивая на неровностях дороги. Собранный кустарным способом, он представлял собой невообразимого мутанта, эдакая уродливая пародия на милицейский «бобик», только без намека на крышу. Двигатель ревел, как трактор, под сиденьями что-то раздражающе гремело, тормозные колодки визжали, четырехколесный монстр кашлял и хрипел, как раненый вепрь, вылезший из преисподней.

– Хотел бы я знать, как он на этой помойке техосмотр проходит! – стараясь перекрыть шум мотора, воскликнул Вячеслав.

– Сомневаюсь, что он когда-либо слышал о техосмотре, – заметил Эдуард. Он придерживал бейсболку рукой, чтобы ее не снесло ветром. – Ставлю что угодно, что и на учете машина не стоит. Да и прав у него наверняка нет.

Вячеслав с опаской посмотрел на неряшливого парня, безмятежно управлявшего своим «монстром». Погибнуть в нелепой аварии из-за этого чурбана не входило в его планы.

Его снова неудержимо потянуло к заветной бутылке, но он не решался делать это при такой езде, только все на себя прольет. Вместе с тем из головы не выходила проклятая фотография. Может, зря он отпустил охрану? Хотя, учитывая настойчивость человека, целенаправленно посылавшего ему эти долбанные фотки, от телохранителей пользы не будет.

Он искоса посмотрел на Эдуарда. Нет, все-таки это невысказано! Столько лет прошло, и все же встретились! На какую-то сотую долю секунды к нему закралось смутное по-

дозреение, но он тут же одернул себя.

– Я справлюсь с этим дерьмом сам, – неожиданно вслух сказал он и рассмеялся. Из-за рычащего двигателя Татьяна с Эдом не слышали его.

Они миновали развилку, повернув вправо, и впереди замаячили свинцовые скалы. По пути им не встретилось ни одной машины. Какое-то время они ехали по узенькой тропе, сдавливаемой с обеих сторон исполинскими спинами скал, глубокие трещины в которых, переплетаясь, напоминали причудливую паутину. В матовой голубизне неба лениво парил огромный иссиня-черный ворон, и Таня, затаив дыхание, наблюдала за ним. Широко распахнув фиалковые глаза и чуть приоткрыв алый ротик, она была похожа на ребенка. Забыв обо всем на свете, она не замечала, что Эдуард не сводил с нее глаз. Не видел этого и Бравлин.

Они выехали на пригорок, с которого как на ладони виднелся крохотный городок, каким-то неизъяснимым образом втиснутый между скалами. Их джип на несколько секунд остановился, не заглушая двигатель, парень с серьгой будто специально предоставлял туристам возможность насладиться уникальностью местного колорита. На измятом, потемневшем от времени указателе было выведено облупленными буквами:

ESKO

А чуть ниже криво накорябано:

Esko the best! Fuck the rest!

Затем механизированный дракон загромыхал вниз, оставляя за собой сизые клубы вонючего дыма.

– Что там было написано? – проорал Вячеслав. – Я не разобрал! Эско, это что, город?

– Да. Табличка гласит: Эско – лучший, – сказал Эд. – Остальные... – он замялся, подбирая подходящее выражение, – пошли в задницу. Примерно так.

– Эти ребята из Эско любят пошутить, – пробормотал Вячеслав.

Татьяна во все глаза смотрела на городок, ей казалось, что такие трущобы бывают только в приключенческих фильмах.

Асфальта не было и в помине – под лысыми покрывками джипа хрустел гравий и мелкие камни. Приземистые бесцветные домишки от палящего солнца, ветров и ливней накренились и скукожились в изнеможении, как стоптанные башмаки бродяги, многие были без крыш. Прямо под грязными окнами высились зловонные кучи мусора, над которыми темным облаком гудели мухи, по объедкам носились крупные крысы. Дети, чумазные и оборванные, возились прямо в помойке. Увидев их автомобиль, они как по команде подняли свои взъерошенные головки и с воплями помчались вслед за ними, из чего Татьяна сделала вывод, что машины тут редкое явление. И действительно, по пути им встретилось только два автомобиля, и выглядели они так, что по сравнению с ними джип парня с серьгой казался «Ламбор-

гини» последней модели.

Внезапно из окна обшарпанной развалюхи как снаряд вылетел какой-то бесформенный предмет и со снайперской точностью попал в плечо Эда. Второй со смачным звуком разлетелся о лобовое стекло, оранжевая мякоть какого-то фрукта заляпала почти всю поверхность. Высунувшись из машины, парень с серьгой, не снижая скорости, прямо рукой вытер пятно.

– Эй, они там что, охренели совсем?! – крикнул Вячеслав. – Останови свой тарантас! – Он толкнул водителя в спину.

Не оборачиваясь, тот что-то сказал Эду, который стряхивал с рубашки прилипшие частички фрукта.

– Почему ты не останавливаешь? – не унимался Вячеслав, кипевший от ярости. – Я им сейчас эти помидоры в очко засуну, будут знать, как швырять...

– Если мы сейчас выйдем разбираться, у нас могут быть неприятности, – отозвался Эд. Это было произнесено таким бескомпромиссным тоном, что Вячеслав мгновенно заткнулся.

– Ты был здесь раньше? – поинтересовалась Татьяна, и Эд кивнул.

– В городках, подобных этому, после шести вечера ни один нормальный человек не выходит на улицу, – после некоторой паузы сказал он. – Насильники, грабители, убийцы, наркоманы, пьяные шлюхи с букетом всех болезней – вот

кого можно увидеть в темное время суток. Тут могут убить за доллар, а малолетних девчонок родители гонят раздвигать ноги в туалете за кусок мяса или бутылку дешевого вина.

Татьяна почувствовала, что лицо ее залила краска, но Эд продолжал сухо:

– Полиции тут нет. В маленьких городках, как этот, федеральными властями назначается комиссар, но вы вряд ли его здесь увидите.

– Куда же смотрит правительство? – спросила Татьяна.

Эдуард пожал плечами:

– У государства свои проблемы, кому какое дело до заброшенной провинции? Можно подумать, в России такого нет? – резонно отметил он.

Вячеслав хохотнул:

– Ну, Эд, ты даешь. Если знал, куда мы едем, чего ж не сказал? Я бы охрану взял.

– Ты же хотел акул посмотреть, – напомнил другу Эд. – А охрана привлечет ненужное внимание.

Они замолчали. Автомобиль, миновав улицу с полуразваленными домиками, пополз куда-то в гору, надсадно кашляя. Он был на последнем издыхании, когда наконец встал на каком-то отшибе, где прямо на уступе скалы стояло какое-то уж совершенно немыслимое строение, чем-то похожее на машину, в которой они приехали. Было что-то в нем и от собачьей будки, только больших размеров – сколоченное из каких-то грязных досок, фанеры, кусков пластика, шифе-

ра и жестяных рифленых листов. Этот бункер словно собирали со всех помоек земного шара, как мегасложный пазл. Рядом, как часовые, стояли высокие бочки, источавшие неимоверную вонь стухшей рыбы, над ними злобным роем кружились насекомые. У порога дома прямо в пыли дремала тощая псина, свалывшаяся шерсть задубела от грязи и колтунов. Собака едва слышно поскуливала, изредка дергая лапой, покрытой коркой засохшей крови.

Парень с серьгой что-то крикнул, дверь «дома», представлявшая собой кусок сгнившей фанеры на двух болтах, раскрылась, как в ковбойском салуне, и наружу, хромая, вышел пожилой мужчина.

Юноша что-то скороговоркой выпалил ему на одном дыхании, тот слегка качнул головой. После этого парень с серьгой повернулся к троице и в упор посмотрел на Эдуарда. Эд все понял и молча вложил в его невымытую ладонь смятую купюру, которую тот с удовлетворенным видом спрятал и, не прощаясь, залез в свой джип. Снова заскрежетал двигатель, и кашляющий драндулет скрылся из виду.

– А... а кто нас обратно отвезет? – обрел дар речи Вячеслав, когда они наконец прочихались от едкого дыма и пыли.

– Он будет здесь вечером, – сказал Эд.

– Сколько мы должны тебе? – спросила Татьяна. – Ты ведь расплатился с ним?

Эд усмехнулся:

– Это только за дорогу. Выход в океан и акулы – отдельная

песня. Тут каждая услуга оплачивается отдельно.

– А сколько будет стоить сама поездка?

Эд посмотрел на мужчину, безмолвно стоявшего за их спинами. На вид ему было около шестидесяти. Он был бронзовый от загара, с невыразительными глазами, прятавшимися под кустистыми бровями, рот втянут, словно все его зубы отправились на пенсию. Все лицо иссечено морщинами, такими глубокими, что в складки намертво въелась пыль, голову покрывали редкие клочки выгоревших волос. Руки непомерно большие, как у обезьяны, сплошь в бугристых венах и шрамах. Одна нога босая, ступня широкая, как лапа тюленя, с коряво торчащими пальцами, вместо второй – грубый деревянный протез, держащийся на вытертых до белизны ремнях. На нем были старые в заплатках парусиновые штаны и рубашка, которую, очевидно, в последний раз стирали в день постройки Стоунхенджа. В целом он произвел на компанию не очень убедительное впечатление.

– Он больше похож на алкаша-забуддыгу, – ничуть не стесняясь, громко сказал Вячеслав. Татьяна хотела заметить, что он сам вчера выглядел не лучше, но решила не злить мужа.

– Ты помнишь меня? Do you remember me? How much?⁷ – обратился к рыбаку Эдуард, и пожилой мужчина показал три пальца. С темными неровными ногтями, кривые и узловатые, они вызвали у Татьяны ассоциацию с ветками мерт-

⁷ Ты помнишь меня? Сколько? (англ.).

вого дерева.

– Триста баксов? – присвистнул Вячеслав. – Они себе цену знают.

– Это именно тот человек, о котором я говорил. Он грек по происхождению, – сказал Эдуард. – Один бог знает, как его занесло в Австралию, да еще в такую глухомань. Его имя Доротеос, но все называют его Папаша Дриппи.

Татьяна скорчила рожицу, а Вячеслав хихикнул. Настроение улучшалось, а кроме того, сердце грела мысль о содержимом сумки, которого оставалось еще предостаточно.

– А почему Дриппи, а не Задриппи? – глупо спросил он, и старик с невозмутимым видом показал четыре пальца. Вячеслав остолбенел, а Эдуард пояснил:

– Здесь торгуются наоборот. Так что сумма поднимается. Нужно платить сразу, или сумма возрастет до тысячи и выше, и в итоге мы можем вообще никуда не уехать. Кстати, так же делают бедуины, зарабатывающие у пирамид, – сесть на верблюда стоит 5 долларов, а спуститься обратно намного больше. Папаша Дриппи знает, что мы никуда не денемся, поэтому ему терять нечего.

– Так давайте заплатим ему и поедем! – возмущенно сказала Татьяна, но Папаша Дриппи заковылял обратно в свою конуру.

– Шандец, – подытожил Бравлин. Он отбросил в сторону все приличия и выудил из сумки бутылку с виски. – Оторвать бы этому плешивому пердуну вторую ходулю, сразу бы

торговаться расхотелось.

Татьяна отвернулась.

– И это называется охотник на акул? – неизвестно к кому обращаясь, продолжал Вячеслав, делая длинный глоток. – Охотник за пустыми бутылками, вот кто он. Интересно, на чем он охотится на акул? Судя по его клоповнику, на корыте.

Эд улыбнулся и вошел в «дом».

– Слава, зачем ты это делаешь? – не поворачивая головы, спросила Татьяна. В голосе женщины чувствовалась едва сдерживаемая ярость. – Ты совсем без алкоголя не можешь?!

Вячеслав уставился на жену.

– Не суйся в это, – грубо сказал он. – Я не твою печень сажаю, ясно?

– Спасибо, что так беспокоишься о моем здоровье, – криво улыбнулась женщина. – Только, знаешь, мне почему-то от этого не легче.

Пока Вячеслав обдумывал слова супруги, выискивая в них скрытый смысл, из хижины вышел Эдуард, за ним Папаша Дриппи. Его лицо абсолютно ничего не выражало.

– Сошлись на пятистах, – шепнул Эд Татьяне, и она с готовностью полезла в кошелек.

– Не нужно, я уже заплатил, – остановил ее Эд. – Пусть это будет для вас маленьким подарком от меня. Смотри!

С этими словами он осторожно поднял руку, и женщина увидела, что Эдуард большим и указательным пальцами держит за крылья необычайно красивую бабочку с нежно-зеле-

ными крылышками. Он разжал пальцы, и изящное создание тотчас взмыло в небо.

Папаша Дриппи начал спускаться вниз по стершимся ступенькам. Собака подняла голову, встрепенулась и заковыляла за ним.

– Представляешь, стоим в этой провонявшей конуре, и вдруг в окно влетает бабочка, – сказал Эдуард, рассматривая пыльцу, оставшуюся на подушечках пальцев.

– Ты... не бил его? – вдруг вырвалось у Татьяны, когда они последовали за рыбаком. Уж слишком быстро этот Папаша Дриппи согласился, подумала она.

Эдуард посмотрел на нее и снял очки. В глазах резвились глумливые чертики.

– А ты думаешь, смог бы? – хитро прищурился он. «Да», – чуть не вырвалось у женщины, но она промолчала.

– Эй, хватит там глазки строить, – напряженно засмеялся Вячеслав. Он уже начинал жалеть, что согласился ехать с Эдом. Ведь когда-то он встречался с его женой, хотя это было давно, но все же...

Они спустились на берег. Собака с раненой лапой неотрывно семенила за греком. Песок тут же набился в туфли, и Татьяна разулась.

– Ты хоть взяла фотоаппарат? – крикнул ей Вячеслав, когда она подошла к воде. Татьяна ответила утвердительно.

Неподалеку располагался старый причал, у которого были пришвартованы несколько катеров и яхт. Вячеслав презри-

тельно хмыкнул, разглядывая их, а Эд сказал:

– Ты зря пытаешься найти самую худшую лодку. Такие, как Папаша Дриппи, будут жить в дерьме и жрать дерьмо, но лодка у них будет самая лучшая. Потому что это его хлеб. Знаешь, как ковбои в вестернах Серджио Леоне? Одеты в тряпье и дырявые шляпы, зато револьверы всегда начищены до блеска и на взводе.

– Ну-ну, – ехидно ухмыльнулся Вячеслав. Эдуард начал раздражать его все больше и больше.

Тем временем Папаша Дриппи заковылял к двум юношам, почти подросткам, сосредоточенно чинившим сеть прямо на песке. Он что-то крикнул им, и те, бросив работу, понеслись к причалу, только белые пятки засверкали.

«Я же говорил», – прочитал Вячеслав по глазам Эдуарда, когда Папаша Дриппи как ни в чем не бывало прошествовал мимо затрапезных 6-метровых катеров к гордо покачивающемуся на волнах 11-метровому «Бродбиллу» с высоченной тунцовой вышкой. Собака трусила за ним.

– Охренеть, – только и смог выговорить Вячеслав. – Это все равно, если бы этот сморчок в своем прикиде уселся в «Ягуар»... Это что, действительно его корыто?

– Это корыто, Слава, стоит как минимум тридцать тысяч зеленых. Я слышал, что катер, полностью оснащенный для ловли акул, может стоять до пятисот штук баксов, – произнес Эдуард.

– Откуда ты все знаешь? – недоверчиво спросил Вячеслав.

Мерно затарахтел дизель катера.

– Я же говорил, что излазил весь остров, – ответил Эд, немного смутившись. – Защищая животных, узнаешь много нового, знаешь ли...

Между тем грек спустился по короткому трапу в катер. Вслед за ним прошмыгнули подростки, чинившие на берегу сеть. Стало видно, что лицо одного из них обезображено уродливым шрамом, очевидно, оставшимся от ожога. Пригнувшись, они несли здоровенный бак, из которого на доски причала выплескивалась темно-бурая жидкость с резким запахом.

– Это что, наш обед? – хмыкнул Вячеслав.

– «Раби-даби», – коротко пояснил Эд.

– Что за хрень?

– Прикорм для акул. Кстати, насчет обеда. Не рассчитывайте особенно на гостеприимство хозяина судна. Вы в этом уже убедились там, наверху.

– Я взяла с собой несколько бутербродов с говядиной и авокадо с яблоками, – сказала Татьяна.

Эд с сомнением покосился на пакет, который держала в руках женщина.

Папаша Дриппи вышел из рубки и что-то хрипло крикнул троице. Лицо его было недовольным.

– Ладно, в крайнем случае съедим то, что поймаем, – решил Эдуард. – Пошли, нас уже ждут.

– «Кано Маго», – прочитала вслух Татьяна надпись, кра-

совавшуюся на левом борту катера. – Что это?

– На местном наречии это означает «Акуля Смерть», – сказал Эд.

– А что, никаких страховок оформлять не будут? – удивленно спросил Вячеслав, и Эд посмотрел на друга с жалостью:

– Слава, ты что, не видишь, куда мы приехали? Я же предупреждал вас.

Татьяна подхватила под локоть ворчащего Вячеслава, и они зашли на борт катера. Она сразу почувствовала, как вибрирует под подошвами туфель пол. Настил был «нескользким», позволяющим удерживать равновесие даже во время сильной качки. Ей вдруг стало страшно, и она непроизвольно коснулась руки Эда. К счастью, Вячеслав этого не видел. Эдуард мягко убрал руку, хотя на его лице читалось сожаление. Он снова уставился на пальцы.

– Между прочим, это считается плохой приметой, – вполголоса промолвил он.

– Что именно? – спросила Татьяна.

– Считается, что когда бабочка залетает в окно, это ведет к болезням и даже смерти, – сказал Эд. Посмотрев на берег, он прибавил: – Следуя поверью, в этот день оставаться на ночь в доме нельзя.

– Ну, нас-то это не касается, – улыбнулась Татьяна. – Это проблема этого... Папаши. Это ведь она к нему в дом залетела, правда?

Эдуард улыбнулся в ответ. Сейчас как никогда он хотел обнять эту женщину, и ему стоило невероятных усилий совладать с собой.

– Я не хочу ехать с этой вшивой псиной, – вдруг заявил Бравлин, с неодобрением глядя на свернувшуюся в клубок собаку.

– Тебя так раздражают животные? – спросил Эд.

– Меня раздражают блохи, – отрезал Вячеслав. – Ты мне их будешь потом вычесывать с лобка? Мария Бравлина не рожала бомжей.

– Слава, перестань! – воскликнула Татьяна.

Вячеслав шумно прочистил горло и сделал вид, что изучает кресло в носовой части катера, у которого в держателях как часовые стояли высоченные спиннинги.

Один из юношей ловко отдал швартовые, и катер тронулся с места. С океана подул прохладный бриз.

* * *

Обогнув знакомый поворот, Влад чуть не столкнулся нос к носу с Валентином.

– Как она? – прерывисто спросил он и, не дожидаясь ответа, буквально упал перед Мариной.

– Ей хуже, – сказала Катрин. Она грызла ноготь, то и дело поглядывая на океан. – Ты нашел что-нибудь?

– Одного мужика встретил. Говорит, что его тоже кину-

ли. Но он какой-то странный... – проговорил Влад и покачал головой. – За мной шел.

– У нас мало времени, – напомнила Катрин, и Влад взорвался:

– Да знаю я! Неужели ты думаешь, что я ничего не сообщаю?!

– Откуда здесь люди? – удивился Валик. Он держался на почтительном расстоянии от плиты, придавившей Марину, и вообще старался не смотреть в эту сторону.

– Я же сказал уже, – раздраженно бросил Влад. Очнувшись от его прикосновений, Марина облизала пересохшие губы и заплакала.

Незнакомец, завернутый в пыльные тряпки, возник совершенно неожиданно и бесшумно, как привидение. Валик испуганно смотрел на него, часто моргая. Лицо Катрин сделалось настороженным, и она подозрительно глядела на незнакомца. На его поясе болтался череп какого-то животного, судя по всему, волка или собаки, который Влад не заметил при встрече.

Мужчина тем временем подошел к плите, зачем-то провел по ее шероховатой поверхности загрубевшими подушечками пальцев и цокнул языком. Потом присел на корточки, рассматривая распухшую руку девушки. Она, в отличие от бледной кожи Марины, была синюшно-багровой, как кусок подпортившегося мяса.

Когда незнакомец выпрямился, его глаза оставались таки-

ми же пустыми, как окна в давно заброшенном доме.

– Если не удастся поднять камень, она умрет, – прошептал он.

– Это мы и сами знаем, – хрипло произнес Влад. – Может, все-таки поможешь?!

Мужчина с сомнением покачал головой.

– Мы не поднимем камень. К тому же плита в любой момент может пойти вниз и задавит вашу подругу.

– Давайте попробуем, – сказал Влад. – Валик, иди сюда! – крикнул он, и они вчетвером снова ухватились за плиту.

– Давай! – закричал Влад, и они поднатужились.

Марина закричала и отключилась.

– Что с ней? – испуганно забормотал Влад.

Катрин выматерилась. Валик ссутулился, не зная, куда деть свои дрожащие руки. Ситуация казалась абсолютно безвыходной.

– Ей нужно отрезать руку, – сказал мужчина после некоторого молчания.

– Нет, – побледнел Влад и прижался к Марине, словно этот неопрятный тип в лохмотьях прямо сейчас намеревался приступить к ампутации.

– Как хочешь, – равнодушно сказал мужчина и поднялся на ноги. Он посмотрел на тени, отбрасываемые на камни, и задумчиво промолвил: – Лучше быть одноруким, но живым, чем мертвым с двумя руками.

Влад обнял девушку, и она открыла глаза. Увидев перед

собой мужа, она зарыдала и снова начала дергать рукой. Влад, плача вместе с ней, пытался успокоить любимую. Катрин стала грызть ноготь с утроенной силой, а Валик, совершенно одуревший от жары, только глупо хлопал глазами, как заводная кукла. Ему хотелось только одного – чтобы этот кошмар закончился как можно скорее.

– Нет, – повторил с нажимом Влад, хотя никто ничего не говорил.

Прошла минута, после которой Катрин все же отважилась подать голос:

– Влад, как это ни тяжело, другого выхода нет.

Влад вскочил на ноги. Раздувая ноздри и дыша с присвистом, он напоминал разъяренного быка:

– И кто ей будет операцию делать? Ты, что ли?

– Нет. Я думаю, Валик справится, – сказала спокойно Катрин, мотнув головой в сторону оцепеневшего Валентина, который от слов девушки пригнулся, как от удара.

– Я не... я не могу, – поперхнулся он.

– Ты же медицинский заканчивал. – Катрин вперила в парня свой тяжелый взгляд.

– Да, но я педиатр, а не хирург, – жалко улыбнулся Валик, словно в его профессии было что-то постыдное и неприличное.

– Владик, я хочу сок, – вдруг сказала Марина. Она подняла левую руку и стала медленно щупать плечо придавленной руки. – У нас есть сок, Владик? Апельсиновый... Владик, где

моя рука? Почему я не чувствую ее? Там только камень...

По грязным щекам Влада потекли слезы.

– Она умрет, вы что, не понимаете? – прохрипел он. – У нас нет ничего для операции, ни ножа, ни ниток, как мы оставим кровь?

– Она быстрее умрет под камнем, – вмешался мужчина. – Я бы мог попробовать отрезать...

– Заткнись! – вне себя от ярости и страха крикнул Влад. – Заткнись! Почему ты все время шепчешь?! Кто ты такой?! Проваливай, все равно от тебя никакого толку!

– Влад, остынь, – сказала Катрин. – У тебя есть имя? – обратилась она к мужчине.

– Называйте меня Айс, – ухмыльнулся он.

– Хорошо, Айс, – сказала Катрин и вытерла обгрызенный ноготь, на котором уже выступила кровь, о джинсы. – Ты сможешь... нам помочь?

– Почему бы и нет, – пожал плечами Айс. – Когда-то я уже резал. Правда, потом этот человек умер. Да и сейчас я ничего не теряю.

– Стопудово, – угрюмо сказала Катрин и вдруг выругалась: – Блин, у нас и ножа-то нет!

– У него есть, – сказал с мрачным видом Влад, кивая на Айса. Он старался не встречаться с молящими глазами Марины, и его всего трясло от ужаса и отвращения к самому себе.

– Принеси воды, – приказал Айс Валику.

– Откуда? – удивился Валик.

– Тут что, полно водопроводных кранов? Из океана, – проскрипел Айс.

Валик, помедлив, стал нехотя спускаться вниз.

– А вы найдите, чем перетянуть рану. Ремень сойдет. Есть какие-нибудь нитки? – осведомился Айс.

– У меня есть, – откликнулась Катрин, лихорадочно рыскающая по своим многочисленным карманам джинсовой куртки. – Скажите спасибо, что я хиппи. Вот!

С этими словами она аккуратно положила на камень катушку с нитками, в которую была воткнута иголка.

– Вы сошли с ума, – медленно проговорил Влад.

– Владик, – зашептала Марина, всхлипнув. – Владик, ты слышишь меня?

– Да, родная, – ответил юноша и опустился перед супругой на колени.

– Владик, я почти ничего не вижу. Это все от солнца, правда?

– Да, Маришка, – покорно ответил Влад.

– Владик, о чем... о чем вы говорили? Не надо отрезать мне руку. Пожалуйста. Я не хочу остаться без руки. Ведь ты не разрешишь им этого делать? Я очень прошу тебя. Я люблю тебя.

Влад сжал челюсти с такой силой, что у него захрустели зубы. Боже, он бы отдал все на свете, лишь бы не отвечать на этот вопрос!

Катрин оценивающе посмотрела на руки Айса. Они были настолько грязными, что пыль намертво въелась в его заскорузлую кожу. Он заметил неодобрительный взгляд девушки и сказал:

– Пожалуй, я помою руки. И нож заодно.

Он стал спускаться вниз.

– Он мне не нравится, – без обиняков заявил Влад. – По моему, у него не все в порядке с головой.

– Похож на шизоида, один прикид чего стоит, – согласилась с ним Катрин. – Но разве у нас есть выбор?

Она наморщила лоб, будто что-то вспоминая.

– Ты чего?

– Не знаю. Просто... да ладно, проехали, – она вымученно улыбнулась.

* * *

Катер неторопливо рассекал морскую гладь, оставляя после себя пенящийся след, расходящийся волнами. Возле самой воды верещали чайки, перепархивая с волны на волну. Изредка одна из них резко ныряла вниз, чтобы схватить какую-нибудь нерасторопную рыбешку. Неожиданно из воды вырвалось что-то неуловимо-быстрое, с непропорционально большим хвостом, мелькнув стальным телом. Схватив на лету зазевавшуюся птицу, рыбина скрылась под водой, махнув на прощание узким, как лезвие, хвостом.

Татьяна с изумлением смотрела на то место, куда только что нырнула рыба. Испуганные чайки моментально поднялись в небо и раздраженно перекрикивались, кружа в воздухе.

– Похоже на морскую лисицу, – сказал Эдуард, наблюдавший за столь внезапным нападением на чайку. – Это их стиль.

– Офигеть, – только и смог промолвить Вячеслав и, покачиваясь с непривычки, направился к корме.

– Жаль, сфотографировать не успела, – сказала Татьяна.

– Подожди, еще успеешь, – засмеялся Эд.

– Смотрю, ты не рассташься с кепкой.

– А ты – с джинсами, – парировал Эд, и они улыбнулись.

– Ты хотел, чтобы я отправилась в эту поездку в вечернем платье? – смешно наморщила носик Татьяна.

– Просто я никогда не видел тебя в платье, – признался Эд. – Ты где-то работаешь? Помню, ты вроде отлично шила.

– Нет, я из-за зрения оставила это дело. Так, иногда, если захочется. У меня филиал «Глэндфилд», итальянской одеждой занимаюсь.

Некоторое время они молчали, потом Эд сказал:

– Пойду посмотрю лапу этой бедняги.

Он мягко подошел к псине, калачиком свернувшейся возле анкерка⁸.

⁸ От нидерл. *anker* – деревянный бочонок, входит в снабжение шлюпок и служит для хранения запасов пресной воды.

– Не бойся, – ласково проговорил он, когда собака подняла всклокоченную голову и подозрительно уставилась на незнакомца. Его располагающий вид и ровный голос подействовали на нее успокаивающе, и животное только внимательно смотрело, как этот странный человек осматривал больную лапу.

Когда Эд выпрямился, лицо его было озабоченным. Он быстро направился в рубку, где у пульта управления как столб стоял Папаша Дриппи.

Татьяна не слышала их разговор, но в какой-то момент до ее слуха донесся возмущенный голос грека. Спустя несколько минут Папаша Дриппи подозвал одного из юношей, отдал ему какое-то приказание, и вскоре тот принес Эдуарду какие-то тряпки и большую бутылку с пресной водой.

– Что ты собираешься делать? – спросила Татьяна.

– У нее застарелая рана, – пояснил Эд, засучивая рукава. – Может начаться заражение. Слава, не одолжишь мне немного виски?

– Я? Виски для этой шавки? – изумленно спросил Вячеслав.

– Я же знаю, что ты дашь, ведь у тебя есть сердце, – сказал Эд, и Вячеслав молча протянул другу сумку и отошел в сторону.

– Ты будешь вести себя спокойно? – обратился Эдуард к собаке. – Ну, тихо, тихо...

Через несколько минут все было кончено, и псина недо-

верчиво рассматривала умело перевязанную лапу.

– Странно, она только взвизгнула, и все, – призналась Татьяна. – Я боялась, она начнет кусаться.

Споласкивая руки, Эдуард глянул на собаку и сказал нарочито строго:

– Во всяком случае, теперь ты стоишь пятьдесят баксов.

– То есть? – не поняла Татьяна.

– Я купил эти тряпки и свежую воду для псины, – с неохотой сказал он.

– Он что, с ума сошел?! – не поверила Татьяна и чуть ли не с ненавистью посмотрела в сторону Папаши Дриппи. – Это же его собака!

– Она для него ничто, – пожал плечами Эд. – Если жизнь человека в здешних местах стоит не больше плевка, то что тогда говорить о животных?

Они удалились уже достаточно от берега, как вдруг двигатель катера затих.

– Наверное, сейчас будет прикорм, – предположил Вячеслав. – А мы будем спускаться под воду в клетках?

– Вряд ли, – покачал головой Эд. – Я не вижу на борту клеток. Да и маловероятно, чтобы этот жмот раскошелился на акваланги – они ему попросту не нужны.

– Посмотрите вниз, – вдруг возбужденно сказала Татьяна. – Что это, медуза?

Мужчины выглянули за борт. В трех-четырех метрах от катера прямо у поверхности плавала громадная медуза, же-

леобразный купол которой напоминал прямоугольник. От купола отходили четыре пучка полупрозрачных щупальцев розоватого оттенка, настолько длинных, что их очертания размывались где-то в глубине.

– Это медуза-коробочка, – определил Эдуард. – Иногда ее называют морской осой. Насколько мне известно, она питается мелкими креветками.

– Она опасна? – спросила Татьяна, замороженно следя за медузой. Толстые щупальца медленно шевелились, и это вызвало у нее неосознанный страх.

– В общем, да, – сказал Эдуард. – В ее щупальцах спрятаны жалящие капсулы, которые в момент прикосновения впрыскивают через кожу яд. Иногда это приводит к остановке сердца. Говорят, одна взрослая медуза-коробочка имеет достаточно яда, чтобы убить трех человек.

– Не может быть, – фыркнул Вячеслав. – Вот эта слизь может завалить троих мужиков? Ерунда.

Эдуард не стал с ним спорить. Медуза плавно обошла катер справа и вскоре исчезла из виду.

Прошло еще десять минут, но никакого прикорма не было, двигатель молчал, а сам катер мирно дрейфовал на волнах. Подростки развалились на тунцовой вышке, свесив с нее худые босые ноги, и лениво перебрасывались фразами.

– Э-э-э... – протянул Вячеслав. – Че-то я не врублюсь никак, а где акулы? За что мы баблос этому одноногому бомжу отдали, а?

Эд молча прошел в рубку. Его изумлению не было предела, когда он увидел, что Папаша Дриппи как ни в чем не бывало дрыхнет в углу на каких-то коробках, храпя, как паровоз. Протез он отстегнул, задрал культю на стул.

Опешивший от такой наглости, Эд схватил хозяина судна за шиворот и, не обращая внимания на треск рвущейся рубашки, сильно встряхнул его.

– Lead the old tub⁹, – прошипел Эд прямо в лицо обалдевшему греку. Папаша Дриппи несколько раз моргнул и сипло выругался. Он высунулся из рубки, что-то зло крикнул юношам, и тех словно ветром сдуло с вышки.

Эд вышел на палубу. Хозяин судна одарил его ненавидящим взглядом, после чего проковылял к пульту управления и передвинул рукоятку акселератора вперед. «Бродбилл» дернулся, двигатель ожил, и катер понесся в открытый океан, быстро набирая скорость.

На палубе уже суетились подростки. Они притащили к борту уже знакомую бадью с прикормкой, после чего один из них принялся небольшим черпаком выплескивать «раби-даби» в воду. Татьяна скривилась – уж слишком «ароматной» была прикормка. Мешанина из крови, мелко порубленной рыбы и потрохов шлепалась в воду, оставляя за собой клейкую пленку.

Слушая звуки падающей на воду прикормки, Вячеслав раздраженно повел плечом. Черт, не для того он тащился в

⁹ Заводи свою посудину (*англ.*).

такую задницу, чтобы плясать, как этот голодранец выливает в море какой-то понос!

От нечего делать он принялся слоняться по катеру. Он обратил внимание, что на корме, чуть ниже тунцовой вышки, была закреплена челюсть акулы, довольно крупная. Под ней на небольшой фанерке была нацарапана надпись:

Sharks suck. Daddy Drippy fucked all the sharks

Вячеслав хмыкнул. Оригинальный типчик этот грек. Похоже, у него не все дома. Но челюсть ему понравилась. Он представил, как бы она смотрелась в его гостиной, прямо над аквариумом. Нарисованный воображением образ челюсти океанской хищницы с устрашающими треугольными зубами ему понравился.

– Впечатляет? – услышал он над ухом голос Эда и чуть не подскочил на месте.

– Что за идиотская привычка подкрадываться, – буркнул Бравлин. – Это чья? – спросил он, имея в виду челюсть.

– Судя по всему, большая белая. Наверное, метра четыре в длину будет, – прикинул Эд.

– Хорошо бы такую заиметь, – произнес Вячеслав, глаза его алчно блеснули.

– Думаю, Папаша Дриппи мог бы продать тебе ее, – сказал Эд. – Кстати, белые акулы занесены в Красную книгу.

Вячеслав засмеялся, последняя фраза не произвела на него никакого впечатления.

– Эх ты, гринписовец... Будто от ваших воплей что-то в

природе изменится. Так вот, я не хочу эту челюсть, Эд. Я хочу живую челюсть, чтобы этот мухомор поймал для меня акулу, сечешь? Коль уж мы выбрались на такую экзотическую тусню.

Эд вздохнул.

– Это слишком рискованно. К тому же с нами Татьяна. Думаешь, ей будет прия...

– Со мной, Эд, – чеканя каждое слово, проговорил Вячеслав. – Извини, но Таня со МНОЙ, а не с НАМИ, чувствуешь разницу? Не обижайся, дружок. Мария Бравлина не рожала роконосцев.

Эд улыбнулся.

– Все нормально, Славик. Просто не нужно быть таким напряженным, хорошо?

– Так ты поговоришь с этим стариком? – настойчиво спросил Вячеслав. – Я бы сам ему сказал, но у него такой акцент, что китайца проще понять.

– Ладно.

Эдуард уже хотел уходить, как Вячеслав окликнул его:

– Где ты был все это время, Эд? Были моменты, когда ты мне позарез был нужен, – сказал он как можно безразличнее, вместе с тем внимательно следя за реакцией старого друга. Но тот был спокоен, как никогда.

– Я неожиданно получил предложение поработать за рубежом. Я никому ничего не сказал, даже родителям. Так, чтобы не сглазить. А потом и всю семью с собой забрал.

Жил в Италии, потом в Германии. Прости, что не дал о себе знать, – с этими словами он посмотрел Вячеславу прямо в глаза, и тот понял – не врет.

– Ты по жизни был одиночкой, Эд, – неожиданно вырвалось у него. – Иногда я вообще поражался, как ты мог решиться на семью?

«Я тоже», – мелькнула у Эдуарда мысль, когда он представил себе образ Татьяны.

– Ой, смотрите! Рыба, и какая большая! – внезапно донесся до них голос Татьяны.

Мужчины заспешили в носовую часть катера. Папаша Дриппи заглушил двигатель и неспешно приблизился к борту. В руках он держал толстую самокрутку, своими размерами не уступающую разваренной сардельке.

В прозрачной воде мелькали продолговатые тени, то поднимаясь наверх, то ныряя, растворяясь в ультрамариновой глубине. Изредка зеркальную поверхность рассекали острые плавники, поблескивающие на солнце. Акулы были небольшие, около полутора метров длиной, они плавали вокруг катера, постепенно сужая круги.

Папаша Дриппи задымил самокруткой и что-то процедил мальчишкам, после чего они приволокли несколько мотков провололочной леси с крючками и гарпуны со съёмными древками. Пока один из них, выловив из бадьи голову какой-то рыбы, нанизывал ее на крючок, второй готовил гарпуны, привязывая их к специальным манильским тросам, кото-

рые другими концами крепились к бочонкам. Гарпуны были самые разнообразные, с устрашающего вида зазубринами, и Татьяна не могла оторвать от них глаз – они были похожи на какие-то средневековые орудия пыток.

– Вот это я понимаю, – с невольным уважением проговорил Вячеслав, разглядывая гарпуны. – А то, понимаешь, охотник на акул – и вдруг такая конфетка с вышкой и прочими прибабасами.

– А ты хотел, чтобы мы отправились в открытый океан на деревянном каноэ, как туземцы? – усмехнулся Эд. – Что ж, я могу тебе и такое устроить, только поедешь без меня. Я понимаю, что ты ожидал некой романтики, но на самом деле все прозаично. Прогресс идет вперед, и если Папаша Дриппи будет охотиться на лодке, он потеряет в скорости и поймает меньше рыбы. А кроме того, он подвергнет себя большому риску. Во время охоты акулы часто выпрыгивали из воды и топили лодки.

Папаша Дриппи посмотрел на них, задержав взгляд на стройных ногах Татьяны, затянутых в узкие джинсы, и что-то сказал, выпустив кольцо дыма.

– Что он говорит? – Татьяна посмотрела на Эдуарда.

– Акула чувствует каплю крови на расстоянии пятисот метров, – чуть покраснев, сказал Эд. – То есть растворенную примерно в шестистах тысячах литров воды.

Между тем акулы перестали кружить вокруг «Бродбилла», одна из них ткнула рылом прямо в нижнюю часть фор-

штейня катера, две другие устремились за наживкой, которую забросил Папаша Дриппи. Одна оказалась быстрее, и ее челюсти сомкнулись на крючке с головой рыбы. В толще воды проскользнуло еще два темных силуэта. Акула, попавшаяся на крючок, рванулась в сторону, с визгом разматывая леску. На вываживание не ушло много времени, и уже спустя пару минут Папаша Дриппи подтянул уставшую рыбицу к своему судну. Один из пареньков помогал ему, ловко управляясь багром. Вскоре сверкающее тело морской хищницы яростно билось на палубе, гулко стуча мощным хвостом. Ее спина была красивого темно-синего окраса, цвета индиго, а нижняя часть жемчужно-серебристой. Татьяна инстинктивно отодвинулась назад. Еще никогда в жизни она не видела так близко живых акул.

Между тем Папаша Дриппи оглушил ее короткой дубинкой, наступил своим протезом на голову замершей акулы и вынул из ножен широкий нож. Не выпуская изо рта своей воючей самокрутки, он коротко полоснул по брюху рыбины. Тело акулы обмякло, внутренности, бледно-желтые и розовые, вывалились прямо на палубу влажным клубком. После этого грек высвободил из жаберных щелей крючок, зачем-то лизнул его и, весело взглянув на оторопевшую Татьяну, что-то гортанно выкрикнул.

– Охота началась, – перевел Эд. Лицо его посерьезнело. – Таня, ты как?

Женщина крепко вцепилась в борт, стараясь не смотреть

на расползающиеся по палубе кишки и извивающийся хвост акулы.

– Нормально, – сказала она твердо.

Папаша Дриппи небрежно швырнул выпотрошенную акулу за борт, словно тряпку. Часть внутренностей он кинул в бадью, другую часть нанизал на крюк и бросил его вслед за акулой.

Помимо своей воли Татьяна осторожно выглянула за борт. То, что произошло дальше, навсегда врезалось в ее память. У катера металось уже не четыре, а шесть акул. Так получилось, что крюк с наживкой оказался ближе всего именно к той самой, которой только что вспороли брюхо, и она как ни в чем не бывало вцепилась зубами в собственные кишки. Папаша Дриппи, невольно выругавшись, подсек рыбу, но к ней уже рванулись две акулы. Одна, выхватив зубами здоровенный кусок плоти от жертвы, тут же потеряла к ней интерес, а вот вторая вцепилась намертво и сорвалась только в воздухе, когда добычу поднимали на борт.

Повторно пойманная акула медленно разевала пасть, она словно не обращала внимания на удары дубинки, которые сыпались на нее как град. Тогда один из юношей принес маленький топорик, и грек двумя точными ударами отрубил акуле голову, затем снова кинул ее в море, но даже после этого тело хищницы продолжало извиваться. К ней моментально устремились ее товарки и разорвали на части буквально в считанные секунды. Во все стороны летели капли воды, ро-

зовые от крови.

Татьяна почувствовала тошноту. Она призвала все свое самообладание, приказывая себе не смотреть на жестокую сцену, но какая-то часть ее сознания, о существовании которой она, возможно, и не подозревала, настойчиво уговаривала ее досмотреть до конца это жуткое представление.

– Если хочешь, я отведу тебя в каюту, – сказал Эд, но Татьяна отказалась, про себя решив, что сделала это назло Вячеславу. Он хотел посмотреть на акул? Вот и славненько, она составит ему компанию.

К тому времени Папаша Дриппи взял в руки гарпун. Некоторое время он стоял совершенно неподвижно, жили только его глубоко посаженные глаза, неотрывно следя за акульным пиришеством, затем с молниеносной скоростью метнул его в самую гущу акул. Острие попало одной из них прямо в голову, и она тут же отрыгнула кусок плавника, который намеревалась проглотить.

Чернокожий паренек принялся помогать Папаше Дриппи вытягивать на борт очередную жертву. Выпотрошив акулу, как и предыдущую, он выбросил ее тело обезумевшим от запаха крови сородичам. В неистовстве вспахивая кровавую пену, акулы металась из стороны в сторону, хватая своими мощными челюстями все, что попадалось на пути. Некоторые крупные особи бросались прямо на катер, и каждый раз по коже Татьяны проходил озноб. Только сейчас она заметила, что транец и внешний край планшира сплошь покры-

ты глубокими царапинами и вмятинами, словно по катеру в неистовстве долбили гвоздодером. Она на секунду представила себе челюсти, оставившие эти жутковатые следы, и что эти зубы могут сделать с человеком, случайно оказавшимся в воде. Ей стало дурно.

Папаша Дриппи стоял в носовой части, облокотившись на боевое кресло, и бесцеремонно разглядывал Татьяну. Затем он что-то сказал и провел сморщенным кончиком языка по шелушащимся губам.

– Он хочет сообщить мне что-то важное? – вежливо поинтересовалась Татьяна.

Эд бросил на хозяина судна каменный взгляд и повернулся к ней:

– Он говорит, что сила укуса «Белой Смерти», то есть большой белой акулы, в три раза превосходит укус льва.

– Бред, – не поверил Вячеслав. Брезгливо морщась, он перешагнул лужу крови, оставшуюся после разделки акулы.

Папаша Дриппи ухмыльнулся.

– *Kia ta, сулла*, – подмигнул он Татьяне. – *Ихва ми ткал-ля. Диу ясо.*

– Нет, не бред, – спокойно парировал Эдуард. – Сила давления каждого зуба большой белой акулы составляет примерно три тонны на один квадратный сантиметр. Но это цветочки по сравнению с ее предком, доисторическим мегалодоном, который вымер полтора миллиона лет назад. Ученые подсчитали, что сила укуса этой рыбки составляла восемна-

дцать с лишним тонн. Некоторые особи достигали в длину двадцать и более метров.

– Охренеть, – прошептала Татьяна. При всем своем богатом воображении она не могла заставить себя поверить, что на Земле когда-то существовали такие гигантские существа.

Докурив, Папаша Дриппи щелчком ногтя отправил окурок в море и махнул рукой своим юным помощникам. Те снова забегали по палубе.

– Полагаю, представление закончилось, – прокомментировал Эдуард.

– Мы едем домой? – спросила Татьяна, и в голосе ее про-скальзывало облегчение.

– Нет, – развеял ее мечты Эд. – Скорее всего, сейчас они займутся промыслом.

Он оказался прав. Для хромого охотника и двух подростков эти туристы уже перестали существовать, «шоу» для белых людей из большого города окончилось, а для них началась трудовая рутина. Раз за разом Папаша Дриппи метал свой гарпун, а мальчишки помогали ему с помощью багра и петли. Буквально через двадцать минут на палубе уже лежало восемь крупных акул. Оглушив их, Папаша Дриппи принялся подвешивать туши с помощью специального крана и лебедки, после чего взялся за разделку. Татьяна не могла на это смотреть и спустилась в каюту. Помедлив, Вячеслав последовал за женой.

– Тебе плохо? – спросил он.

– Да, укачивает, – соврала Татьяна. Она глубоко вздохнула. – Интересно, у него есть жена? У этого грека?

Вячеслав хмыкнул.

– Зачем этому старику жена? У него вон какие бойкие пачаны, – сказал он.

– Он не старик, – раздался позади голос Эда. – Он старше нас лет на семь, ему немногим больше сорока.

– Не может быть! – ахнула Татьяна. – Он выглядит лет на двадцать старше!

Эд привычно пожал плечами:

– Такая жизнь, как у него, не способствует физическому процветанию.

– Ладно, хрен с этим калекой, мы не суп из него варить собираемся, – вмешался Бравлин. – Ты сказал ему насчет акулы?

– Он готов тебе продать челюсть, которая висит на вышке, за сто баксов.

– Мне не нужен этот старый хлам, – раздраженно сказал Вячеслав. – Ты помнишь, о чем мы говорили?

– Слава, что ты задумал? – Татьяна тронула мужа за локоть, но он не унимался:

– Я тащился сюда по жаре и качался на волнах с этим чокнутым греком не для какой-то долбаной рыбалки. Если ты обещал нам драйв, так докажи, что твое слово чего-то стоит. Пусть этот Дриппи поймает для меня акулу. Настоящую акулу, а не эти шпротины.

Эд молча смотрел на друга.

– Боюсь, что твоя затея будет стоить денег, – наконец промолвил он, и Вячеслав расхохотался:

– Так вот что тебя беспокоит, братишка... Не волнуйся, деньги у меня есть, и я готов их выложить за стоящий товар. Мария Бравлина не рожала жадин.

Эдуард стал подниматься на палубу, а Татьяна сказала с укором:

– Зря ты так.

– Что «зря»?! – неожиданно взвился Вячеслав.

– Эд перед тобой ни в чем не виноват. Он просто хотел сделать нам приятное.

– Нам? Или тебе? – Дыша перегаром, Вячеслав приблизил свое разгоряченное лицо вплотную к Татьяне, но она не отвернулась.

– Ты ведешь себя глупо. И перестань напиваться, – холодно сказала она. – Пусти, я пройду.

Когда она ушла, Вячеслав выругался. Перестань напиваться... Легко сказать, когда тебе систематически напоминают о...

Он снова чертыхнулся и сделал два больших глотка из бутылки. На хрен. На хрен все. Если этот дипломат Эдик не уговорит одноногого хмыря, он сам поговорит с ним. Поговорит по-пацански, и тот выловит ему настоящую акулу. Он стал подниматься наверх.

Когда он оказался на палубе, подростки деловито свеживали пойманных акул. Короткими ножами с широкими лезвиями они ловко снимали с них шкуры, срезали плавники, хвосты. Шкуры помещались в специальные бочки с соляным раствором, хвосты и плавники – отдельно. У самой крупной из них Папаша Дриппи самолично вырезал печень и, разделив ее с помощниками, уплетал ее как обычный бутерброд с колбасой. Видя, как по небритому подбородку грека бегут струйки крови, Татьяна отвернулась и мысленно сосчитала до десяти.

– Ну, что? – любопытствовал Вячеслав.

– Пятьсот долларов, Слава, – сказал Эд. – Если устраивает, плати прямо сейчас. Ты уже знаешь, какие тут правила торгова.

– Согласен, – с ноткой презрения отозвался Вячеслав. – Только без лажи. Мне не нужна какая-нибудь килька.

– Скоро стемнеет, – напомнил Эдуард. – Если он не выловит акулу до вечера, ты потеряешь деньги. А ночевать в море я бы не советовал.

«Засунул бы ты свои советы в одно место», – подумал Вячеслав, а вслух произнес:

– И все же давай попробуем.

– Слава, я против, – сказала Татьяна, но Вячеслав посмотрел на нее с таким выражением лица, что женщина отшатнулась, как от пощечины.

Юноши принялись снова выплескивать в море приман-

ку. Было видно, что они устали и их не особенно прельщала идея торчать посреди океана в поисках некой акулы, которую вздумалось поймать этому упрямому белому господину, но и послушаться своего хозяина они не осмеливались.

Спустя непродолжительное время вода снова забурилась от гладких тел. Темно-синие, коричневые, серые со стальным отливом – все перемешалось в яростном клубке. Папаша Дриппи внимательно наблюдал за акулами, изредка бросая вопрошающие взгляды на Вячеслава, но тот лишь презрительно фыркнул.

Наконец греку надоело ждать, и он дал понять, что собирается заводить катер. Между тем дерущиеся за приманку акулы неожиданно растворились в глубине. На поверхности остались лишь маслянистые разводы крови и недоеденные разломаченные куски «раби-даби».

– Странно, – пробормотал Эдуард, на глазах которого так быстро и необъяснимо ретировались акулы. – Что их могло испугать? Когда они пируют, даже самому богу лучше не приближаться к ним.

– Нужно как-то отговорить Славу, – с тревогой сказала Татьяна. – У него крыша уже едет от этой челюсти, а он еще выпил...

Подволакивая протез, Папаша Дриппи потащился к рубке.

– Послушай, Слава, – осторожно начал Эд, стараясь казаться как можно более убедительным. – Предлагаю посту-

пить следующую...

Громкий крик мальчишек прервал его.

– *Локхом, экилла локхом!* – вопили они, указывая куда-то на воду.

– Что там происходит? – взбудораженно спросил Вячеслав.

Папаша Дриппи нахмурился и зачем-то поцеловал амулет, висевший на его загорелой шее.

* * *

Валик на негнущихся ногах спустился к берегу и, спотыкаясь, поплелся к воде. Несколько секунд он тупо смотрел на безбрежный океан, пока внутренний голос не подсказал ему, что, собственно, набирать воду не во что. Разве что в собственную кроссовку. Или в рот.

Рядом на колени опустился Айс и, не обращая внимания на молодого человека, принялся чистить нож. Несколько раз он воткнул лезвие в мокрый песок, после чего сполоснул водой и аккуратно положил его на бандану, которую ему дала Катрин.

– Мне... мне некуда набирать воды, – несмело проговорил Валик.

– Зачем вы сюда приехали? – не поднимая головы, спросил Айс.

Валик растерянно молчал.

Айс помыл руки и поднял ладони к солнцу, чтобы они быстрее обсохли.

– У меня на поясе фляжка. Она пуста. Сними ее, – лениво произнес он, и Валик, вздохнув, побрел к мужчине.

Действительно, среди лохмотьев он обнаружил фляжку, причем она как раз соседствовала с черепом. Подавив в себе брезгливость, Валик, стараясь не касаться черепа, отстегнул фляжку. Она была военного образца, вся измятая и в царапинах. Когда Валик набрал воды, Айс сказал:

– Ты совершил большую ошибку, приехав сюда.

Он взял нож и зашагал к скале. Валик, поправляя очки, поплелся следом, размышляя над странной фразой незнакомца, попутно повторяя про себя, что рано или поздно все закончится.

Когда они оказались наверху, Влад остервенело рвал на куски футболку, как понял Валик, для бинтов. Она была пыльная и пропитанная потом, но ничего другого для предстоящей операции у них не было. На перевязочный материал также пошли рукава от рубашки Валика.

Обрывая лохматившиеся нитки с оторванного края, он робко подошел к Катрин.

– Я ему не доверяю, – тихо сказал он ей. – Мы его почти не знаем, и он будет резать Маринку?!

Она повернула к юноше свое хмурое лицо:

– Тогда режь сам.

– А сама-то что? – не выдержал Валик, непроизвольно от-

ступив назад.

– Я не боюсь крови, – помедлив, сказала Катрин. – Но я никогда не делала этого и просто могу убить ее во время... во время этого. И я не заканчивала институт.

– Думаешь, у этого грязнули диплом хирурга?

– По крайней мере, он предложил помощь, – многозначительно сказала Катрин.

– Если понадобится переливание крови? А если она умрет? – уныло спросил Валик.

– Ты погромче еще крикни, чтобы Влад услышал.

– Тогда не доставай меня по поводу мединститута! – огрызнулся парень и отошел.

– Можно начинать? – вежливо спросил Айс. Он плеснул морской воды на руку Марины, еще раз окатил лезвие ножа. – Давайте ремень.

Все как по команде посмотрели на Валика. Тот покраснел. Действительно, Влад был в шортах, а джинсы Катрин были без ремня. Валик вытащил ремень и протянул его Айсу.

– Как вы будете это делать? – вполголоса спросил Валик у Айса. – Она ведь в сознании!

– Она уже не чувствует конечность, – возразил Айс. – Больше, чем сейчас, ей не будет.

Марина беззвучно плакала, ее глаза блестели от слез, и Владу захотелось прыгнуть вниз со скалы, чтобы никогда в жизни не видеть этого взгляда, умоляющего и полного боли.

– Маришка, – заговорил он, глядя ее по влажным от пота

волосам. – Маришка, все будет хорошо... я обещаю тебе.

– Мы заберем мою руку с собой? – с надеждой спросила девушка и вдруг улыбнулась, но улыбка была блеклой и неестественной, как у маски. – Ты обещаешь? Я знаю, сейчас врачи все могут.

– Да, – только и смог произнести Влад.

– Завязывай ремень, – сказал Айс. – Нет, не здесь, повыше... Теперь затягивай как можно сильнее.

Марина застонала и завертела головой, стараясь разглядеть, что с ней делают. Дырок в ремне в нужном месте не оказалось, и Айс ловко проделал ножом еще одну.

– Приготовьте нитки. Когда все будет кончено, вам придется крепко держать ее, – плавал в раскаленном воздухе его бесстрастный голос. – Эх, жаль, огня нет. Рану лучше прижечь.

– Послушайте... – снова начал Влад. Его взгляд метался с огромного поблескивающего ножа в руке Айса на быющую в истерике Марину, потом на океан и снова на нож. – Послушайте, может, подождем еще немного? Ведь не может быть, чтобы сюда никто не заплывал. Рыбаки, туристы, ну, не знаю...

Он перехватил жесткий взгляд голубых глаз и осекся. Все. Никаких обсуждений и никаких «подождем». Назад пути нет.

– Если кто знает какие-нибудь молитвы, можете приступить. Только не вслух, – сказал Айс и шагнул вперед.

Марина закричала, закрывая лицо здоровой рукой.

* * *

Татьяна выглянула за борт и почувствовала, как у нее зашевелились волосы. В какой-то момент она даже потеряла дар речи и инстинктивно ухватилась за плечо Эда. Тот не возражал. К счастью для них обоих, Вячеслав не заметил этого – его взгляд был прикован к тому, что так взволновало подростков.

В нескольких метрах от кормы, ближе к левому борту катера, из воды высовывалась конусообразная голова громадной акулы. Черные, как битум, глаза холодно разглядывали людей на судне. Пасть приоткрыта, предоставляя возможность увидеть зловещий ряд зазубренных зубов, акула словно ухмылялась. Виднелись жаберные щели – ровные, бескровные разрезы в дубовой коже. Но больше всего поражал неестественный цвет акулы – кремово-белый.

– Едрить меня за ногу, – прошептал Вячеслав и неожиданно громко рыгнул. – Эдик, что это?!

Акула бесшумно скользнула в глубину, оставив за собой лишь легкую рябь на воде.

– Не знаю, – признался Эд. Выглядел он немного обескураженно. – Внешне похожа на белую, но у них лишь брюхо светлое, а спина и плавники темные...

– Метров пять, наверное, будет? – предположил Вячеслав.

– Возможно, – уклончиво ответил Эд. Он посмотрел в глаза своему не слишком трезвому другу и все понял.

– Скажи Дриппи, чтобы он поймал ее, – потребовал Вячеслав.

– Слава, не надо, – сказала Татьяна, дотронувшись до его руки, но он с раздражением отодвинулся:

– Ну?

Эд перевел. Папаша Дриппи посмотрел на небо, сощурил глаза, опустил взгляд на море и что-то ответил. На этот раз он говорил долго.

– Он не будет охотиться на эту акулу, – начал переводить Эдуард. – За всю свою жизнь он лишь однажды видел подобную этой... *Локхом экилла* – это священные акулы, о них еще писали в древних преданиях. Они... – Эд на мгновение задумался, пытаясь найти подходящие слова для перевода, – как боги для язычников. Его дед однажды убил молодую *Локхом* и на следующий день умер.

– Эд, что за херня, – скривился Вячеслав. – Ты сам-то слушаешь, что говоришь? Хотя нет. Спорю на твою бейсболку, что он просто цену себе набивает, а ты на ходу выдумываешь этот маразм, назло мне. Помнишь, как в том анекдоте про чукчу, который нашел золото, и переводчик сказал: «Расстреливайте, фиг чего он вам скажет»? И вообще, кто тут переводчик? Гринписовец?! Эй, Дриппи! – крикнул Вячеслав греку. – Я знаю, ты просто опять торгуешься! Так вот, пятьсот зеленых, и ни цента больше, понял?!

– Слава... – приблизился к нему Эд, но взбешенный Бравлин грубо отпихнул его.

– Вы все тут против меня сговорились, да? – задыхаясь, крикнул он.

– Нет, – ровно сказал Эдуард.

Вячеслав подскочил к Папаше Дриппи.

– Мало пятьсот? Штуку даю, слышишь меня, Папаша, или как там тебя, Джон Сильвер! – вопил он, трясая перед застывшим лицом грека стопкой купюр.

«Он сошел с ума, – с нарастающим страхом подумала Татьяна. – И ведь не отступит. Привык делать все по-своему, как в своем бизнесе».

Боже, как она сейчас ненавидела себя за то, что затеяла все это!

Неожиданно черты лица Вячеслава размягчились, и он замолчал. Деньги убрал в нагрудный карман. Глубоко вздохнув, он вкрадчиво произнес, обращаясь к Эдуарду:

– Передай ему, что он трусливое дерьмо. И я, когда вернусь на берег, позабочусь, чтобы у этого упыря больше не было клиентуры. Заодно неплохо бы проверить, как у него с лицензией на отлов акул... Налоги и все такое.

– Я не буду переводить это, – сказал Эдуард. – Слава, ты знаешь, что он не трус. И дело не в деньгах. Ты не понима...

– Ты трус, – громко, членораздельно проговорил Вячеслав, не дав договорить Эду. Теперь он в упор смотрел на охотника, уперев руки в бока, как полновластный хозяин. –

Тряпка. Дешевка. Небось и ходуюлю тебе не акула откусила, а попал под колеса того тарантаса, который нас сюда вез. Ты слышишь меня? Задрипанный Дриппи?

– Заткнись, – сказал Эд, и тот опешил.

Между тем в глубоко сидящих глазах грека пронеслась отдаленная тень понимания, и они сверкнули опасным огоньком. Он что-то сказал, указывая корявым пальцем на протез.

– Ты прав, ногу он потерял не в пасти акулы, – сказал Эд. – Его укусила змея, и он сам себе ее отрезал. Чтобы не сдохнуть от яда.

После этого Папаша Дриппи задрал край рубашки, открыв на обозрение огромный шрам в виде полумесяца, идущий от левой груди до впавшего живота.

– А вот это уже акула, – сказал Эд.

– Все равно, слабо ему, – гнул свою линию Вячеслав, хотя было заметно, что отметины зубов на теле Папаши Дриппи произвели на него сильное впечатление. Уже не зная, на каких чувствах грека сыграть, он с издевательской ухмылкой плюнул прямо на палубу.

Внезапно Папаша Дриппи бросил пыливый взгляд на Татьяну. Он сально улыбнулся, лизнул большой палец руки и провел им по своим заскорузлым от вековой грязи штанам.

– Что это он? – с подозрением спросил Вячеслав.

– Он говорит, что у него... большой половой орган. И он не боится акул, – с явной неохотой перевел Эдуард. – Только не знаю, к чему это он.

Его глаза буравили морщинистое лицо грека, который явно чего-то ждал.

– Да, что касается членов... – вернулся к старой песне Вячеслав. – Там, рядом с челюстью, этот хромой пень написал, что отымел всех акул в округе, так? А теперь насрал в свои портки от страха, и все из-за того, что эта тварь не того цвета?

– *Эвей, эвей!* – неожиданно с испугом залопотал один из пареньков, тыча пальцем куда-то за борт. – *Локхом, эвей!*

– Она здесь, – сказал Эд, посмотрев на воду. Акула плыла медленно, с лентой. Ее широкие мощные грудные плавники почти не шевелились, огромная рыба словно парила в океане, наподобие птицы в небе. Громадное торпедообразное тело плавно рассекало воду, плоская голова изредка приподнималась, как если бы она желала повнимательнее разглядеть незваных гостей. В воде среди постепенно растворяющейся пленки крови все еще плавали остатки прикорма, но белоснежная акула, казалось, не испытывала к ним никакого интереса. Она неторопливо кружила вокруг катера, и если бы не ситуация, Татьяна бы решила, что она дрессированная и специально так делает, чтобы зрители смогли вдоволь полюбоваться ею. Вместе с тем в ее поведении было что-то деловито-хозяйское, акула словно обследовала свои владения, выясняя, все ли в порядке в ее подводном царстве.

– Так это она распугала своих соплеменников, – пробормотал Эдуард.

Вячеслав случайно взглянул на Папашу Дриппи и затаил дыхание – грек преобразился. Он весь как-то подобрался, расправил плечи, неотрывно следя за белой бестией, и настроенность в его глазах сменил блеск азарта. И Слава понял – он поймает ему эту акулу. Потому что дело даже не в деньгах. Своим поведением эта громадина бросала вызов этому чудному греку, и, судя по всему, он не мог его не принять.

– Ну что ж, могу тебя поздравить, – сухо бросил Эд, поскольку от его внимания не ускользнула перемена настроения хозяина судна. Он отвернулся.

Папаша Дриппи что-то гаркнул на своем наречии и протянул руку, что было нагляднее любой фразы на любом языке. Помешкав, Вячеслав сунул в жесткую ладонь охотника деньги. Э, будь что будет.

Акула вильнула серповидным хвостом, будто дразня людей, и погрузилась в глубину.

– Он справится с ней? – вполголоса спросила Татьяна у Эда.

Тот долго молчал, потом произнес:

– Думаю, да. Он хороший охотник, несмотря на странности. Но эта акула... Я еще никогда не видел ничего подобного.

– Ты много чего не видел и не слышал, – с философским видом заметил Вячеслав. Вернувшись в прежнее расположение духа, он заметно подобрел и снова достал бутылку. – И, не в обиду будет сказано, никогда не умел добиваться своей

цели, Эд.

Последняя фраза прозвучала столь недвусмысленно, что в глазах Эдуарда на долю секунды вспыхнул факел и тут же погас. Он лишь усмехнулся и плотнее сжал губы.

Словно невзначай Вячеслав провел рукой по упругим ягодицам Татьяны. Она смутилась и сделала шаг в сторону, но Вячеслав не обиделся.

– Вот скажи мне, защитник братьев наших меньших, – сказал он, запрокидывая в глотку виски. Его кадык жадно заходил. – Ты сейчас опять надуешься, но я уверен, что ваша возня просто кем-то башляется. Это все политика, и только не говори мне, что все те, кто вопит с плакатами типа «Перестанем убивать морских котиков дубинами», так уж жалеют зверей. Баблос – вот стержень всего. Баксы, евро, рубли и тугрики – вот что правит нашим миром. Скажи, какой смысл бастовать против использования дубинок, если этих самых котиков можно пристрелить? Да просто от пуля шкура портится. А акулы? – продолжал он разглагольствовать. – Они жрут людей, портят рыбакам сети, нападают на лодки, а ты их жалеешь. Да они просто помойные ямы, которые глотают все, что попало.

– Человек куда чаще погибает от удара шаровой молнии или копыт лошади, чем от нападения акулы, – ответил сдержанно Эд. – Хотя у них куда больше поводов убивать нас, чем у нас истреблять их.

– Как это? – растерянно спросила Татьяна.

Эдуард повернулся к ней, и она осеклась, столкнувшись с его ледяным взглядом.

– Нас никто не звал сюда, в океан. Мы тут гости, – сказал он, сделав акцент на слове «мы».

– Тогда почему в фильмах и прессе их называют людоедами?

– Человечество во все времена испытывало первобытный страх перед акулой. Хотя негативный образ создан самим человеком. Скажите, вы сильно ненавидите пчел? Или ос?

Татьяна задумчиво пожала плечами, а Вячеслав вообще не ответил – ему было неинтересно слушать Эда.

– А между прочим, от их укусов погибает куда больше людей. Акула не делает разницы между морским котиком или человеком. У рыбы нет амбиций или чувства мести, она действует лишь по инстинкту. В отличие от человека, который мстит акулам при первой возможности.

– Мстит? – удивленно переспросила Татьяна.

Губы Эда тронула безрадостная улыбка.

– Разве ты не видела «представление» Папаши Дриппи? Уверен, он прекрасно помнит о своих шрамах и не простил этого акулам. Но я сейчас не о нем. Я лично наблюдал, как рыбаки отрубали пойманным акулам хвосты и плавники, а потом выбрасывали в море, обрекая их на долгую и мучительную смерть. Иногда в пасть акулам вставляли распорки и отпускали – они дохли от голода. У них, оглушенных, но еще живых, выдирали зубы и челюсти на сувениры...

– Все, достаточно, – резко сказала Татьяна.

– Насчет челюсти, это, конечно, камушек в мой огород? – осведомился Вячеслав.

Эд смерил его безразличным взглядом и ничего не ответил.

* * *

Операция заняла всего несколько минут, но всем показалось, что она длилась не один час. Айс орудовал ножом быстро и профессионально, будто всю жизнь только и занимался тем, что ампутировал конечности в экстремальных условиях. Когда нож наткнулся на кость, он просто взял камень и со всей силы ударил по тупой стороне лезвия, полностью отделив от тела расплюсченную руку.

Валик не мог этого выдержать, и его вырвало, и Влад, сорвавшись, накричал на него. Катрин пыталась вдеть нитку в иголку, и это ей удалось лишь с пятого раза.

Бесчувственную Марину осторожно отнесли в тень. Несмотря на то что ремень был затянут на максимум, кровотечение все равно было обильным.

– Я зашью рану, – сказал Айс. – Но ей нужно в больницу.

– Спасибо, что напомнил, – сердито сказала Катрин. – Америку открыл.

– Я хочу домой, – шмыгнув носом, выдал Валик.

– Какое совпадение, мы тоже, – криво улыбнулась Ка-

трин. – Тебе помочь? – она тронула Айса за плечо.

– Лучшая помощь – это не мешать, – отозвался тот. – Так говорила моя любимая мама. Хотя держи ее. И вы тоже, идите сюда.

Подошел только Влад. Он без сил опустился перед женой, что-то бормоча под нос, и положил руки на ее хрупкие плечи.

Валик же остался на месте, никакая сила не могла заставить его смотреть на Марину. Но что он мог поделать, если его с самого детства мутит от вида крови? Пусть даже он врач, хоть и детский...

Он с опаской заглянул под камень. Там было что-то темно-красное, и среди этого месива торчал осколок кости. Он снова почувствовал тошноту и отпрянул. Повинуясь какому-то мимолетному необъяснимому порыву, он принялся носком кроссовки закапывать подсыхающую лужу крови.

Айс тем временем сосредоточенно штопал культю Марины. Когда все было готово, он слегка плеснул морской воды на обрубок, и Марина издала истошный крик.

– Ты это специально? – исподлобья взглянул на него Влад.

– Нет, – спокойно ответил Айс. – По крайней мере, хуже от этого ей не будет. Вообще-то, было бы хорошо прижечь рану огнем.

– Ага. Только ты спички все извел на свой костер долбаный, – с безумной улыбкой ответил Влад.

Глядя на него, Катрин подумала, что сейчас Влад спосо-

бен на что угодно, он был похож на гранату с выдернутой чекой.

– Да, кстати. А зачем ты вообще огонь разводил, Айс? – спросил Влад. Его лицо стало настороженным. – И не мог бы ты снять повязку с лица? Ничего личного, но меня это немного напрягает.

Айс послушно убрал с лица тряпку. Катрин с удивлением сделала вывод, что если бы не чрезвычайная худоба и многодневная щетина, Айса можно было бы назвать почти привлекательным. Вот только все портили глаза – два безжизненных синих озера, в которых вымерла вся живность.

– Я делал то, что, скорее всего, в скором времени стали бы делать вы, – сказал он. – Пытался привлечь костром какое-нибудь судно.

– Сколько ты здесь находишься? – спросила Катрин.

– Четвертый день.

Валик присвистнул.

– Как же вы без воды тут обходитесь? – осторожно спросил он.

– На северной стороне острова есть небольшое ущелье, и там капает пресная вода, что-то вроде родника. Она теплая и воняет, но это все, что здесь есть. У вас есть какая-нибудь еда? – полюбопытствовал он.

– Нет. Мы все вещи оставили на лодке, – со вздохом сказала Катрин. – Пошли купаться, а потом сюда двинули. Даже часы с мобильниками не взяли. А эти уроды нас кинули.

– Вы заплатили им вперед? – спросил Айс, вытирая нож о свои лохмотья. Валика это немного покорибило – он чистил нож с такой физиономией, будто только что заколол свинью.

– Угу, – сказала Катрин.

– Местным никогда нельзя отдавать всю сумму сразу, – сказал Айс.

– Почему ты все время шепчешь?! – не выдержал Влад. – Горло застудил?

Айс молча задрал подбородок, и ребятам стал виден огромный шрам, пересекающий наискосок загорелую шею мужчины.

Несколько минут все молчали. Марина была без сознания и тяжело дышала, пальцы ее здоровой руки изредка сжимались.

– Сколько у нас времени? – спросила Катрин, убирая с лица прядь волос.

Айс бросил оценивающий взгляд на грубо зашитую культю девушки. Куски майки Влада, которые использовали в качестве бинтов, уже все пропитались кровью.

– Сложно сказать. Все зависит от ее выносливости. Но если она не окажется в больнице, то эта ночь для нее будет последней, – сказал он.

Влад поднял на Айса тяжелый взгляд. Валик, глядя на приятеля, поймал себя на мысли, что если бы взором можно было убить человека, голова Айса уже давно лопнула бы, как тыква под колесами грузовика. Но Айс спокойно выдержал

ЭТОТ ВЗГЛЯД.

– Кто-нибудь помнит, сколько мы сюда плыли? – спросил Валик, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Часа два, – сказала Катрин. – В общем, до ближайшей цивилизации километров семьдесят. Может, больше. Коро-че, вплавь мы не доберемся.

Она снова пытливо посмотрела на Айса.

– У меня выросли рога? – вежливо поинтересовался он, когда уже все заметили, как она изучает мужчину.

– Да нет, – не особенно смутилась Катрин. – Просто твой фейс мне кажется знакомым, вот и все. Пытаюсь понять, где мы могли пересечься?

Впервые за все время тонкие губы Айса тронула улыбка.

– Полагаю, эту встречу я бы точно запомнил. Вы из Рос-сии?

– Угу. Из Москвы, – ответила девушка.

– Я никогда не был в Москве, – совершенно искренне ска-зал Айс. – В Ленинграде был однажды... Лет двадцать назад.

Валик подошел к обрыву. Почему-то сейчас, когда опера-ция была позади и Марина была освобождена, депрессия навалилась на него с утроенной силой. Если Айс прав, то у них почти не остается никаких шансов. Ну, найдут они этот «родник» с тухлой водой, еды-то все равно тут нет! Макси-мум они протянут здесь три-четыре дня. А Марина и того меньше...

«Ты скучаешь по Свете, – неожиданно подумал он про се-

бя. – Вот и причина депрессняка. Ты просто боишься себе в этом признаться, вот и все».

И это было непреложной истиной. Воспоминания о любимой скальпелем сковырнули застарелую рану, которую он залечивал более полгода. Его Светик, его маленькая, пушистая зайка, как же ему не хватает ее!

Он уже хотел возвращаться к товарищам, как неожиданно заметил вдалеке крошечную точку. Присмотревшись, он с трудом подавил крик – это была лодка. Он потер руками глаза, про себя молясь, чтобы увиденное не оказалось плодом его воображения, и снова уставился вдаль. Точно, лодка, вернее, небольшой катер. Затаив дыхание, он жадно наблюдал, как он медленно, но неуклонно приближался к острову.

* * *

Папаша Дриппи вытащил из морозильного отсека наживку. Он ловко разделил ее на несколько частей, нанизал на крючки, после чего закрепил тросы на крепительных утках с обоих бортов.

– Почему он не берет гарпун? – удивился Вячеслав.

Эд хотел ответить, но в последний момент раздумал. Поведение друга его сильно разочаровало. И хотя он видел, что Вячеслав, не скрывая, ревнует его к Татьяне, его терпение тоже было на грани. Слава был похож на капризного, невоспитанного ребенка, привыкшего к тому, что все его прихоти

беспрекословно выполнялись.

Однако тот повторил вопрос.

– Акула скрылась из виду, – наконец соизволил ответить Эд. – Папаша Дриппи хочет приманить ее наживкой.

Вячеслав снисходительно хмыкнул, и Эд вдруг подумал, что он испытал бы настоящее наслаждение, врезав разок по этой сытой ухмыляющейся физиономии.

Между тем во рту грека снова оказалась зловонная самокрутка. Попыхивая, он мазнул жадным взглядом по Татьяне.

– Кажется, ты понравилась этой обезьяне, – хохотнул Бравлин, заметив это.

Неожиданно лесу резко дернуло, и раздался звонкий щелчок. Лицо Папаша Дриппи стало озабоченным. Один из подростков быстро смотал лесу. Крючка на конце не было, металлическую лесу словно перекусили кусачками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.